
ОЛЬГА ИГОНИНА
ИЗМЕНА
С АРОМАТОМ ЛАНДЫШЕЙ
Современный любовный роман

Ольга Игонина
Измена с ароматом ландышей

https://litres.ru/74717674
SelfPub; 2026

Аннотация

- Глеб, а вот и я! - брюнетка в костюме горничной врывается в наш номер. - А у нас свидание на троих?

Сердце бешено стучит, на глазах слезы, отстраняюсь от мужа.

- Остынь. Ничего не произошло, - муж хватает меня за руку и тянет к себе. Рявкает на гостью. - Девушка просто ошиблась дверью. Правильно?

- Как скажешь, - брюнетка кидает фразу и выходит, хлопнув дверью.

На годовщину нашего брака я узнала о любовнице мужа. Черное пятно ненависти расползается у меня внутри. Уничтожу всю свою любовь и не прощу.

Содержание

1	4
2	10
3	14
4	22
5	26
6	30
7	34
8	38
9	42
10	46
11	50
12	58
13	65
14	70
15	76
16	82
17	88
18	95
19	101
20	107
21	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Измена с ароматом ландышей

1

Аня

Сегодня годовщина нашей свадьбы. В этом году муж расстарался: снял номер в крутом загородном отеле.

Достаю новый комплект белья: вместо бретелей — нить жемчуга, а в трусиках вместо ткани, прикрывающей попу, — такая же нить. В них ехать не вариант, захвачу с собой. Там переоденусь.

Выпрямляю волосы — слишком простовато получается, как будто лоска нет. Делаю крупные кудри, добавляю немного розового блеска. Выгляжу отлично.

В чём же поехать? Надеть джинсы и скромную водолазку под горло, чтобы он не раскусил мою задумку? Или сразу влезть в платье с запахом? Оно выглядит празднично, да и одного «неловкого движения» с завязками достаточно, чтобы оно оказалось на полу.

Платье побеждает.

В ложбинку капаю его любимые духи. Хватаю туфли на каблуках. Жаль, танец под эротическую музыку не выучила, а то и мне было бы чем его удивить. Для мужа я тоже при-

готовила подарок — браслет и запонки в одном стиле. К его деловому костюму подойдут идеально.

Сажусь в машину, еду под любимую радиостанцию и предвкушаю, как всё круто будет. Ищу телефон — блин, забыла на тумбочке. Возвращаться не буду — плохая примета, а адрес отеля помню наизусть: я уже виртуально погуляла по территории. Надеюсь, муж не забудет про ландыши, они наши семейные цветы. Ещё на первом свидании Глеб предложил дарить их на каждый наш праздник.

Заезжаю на парковку. Машина Глеба — в самом углу.

Не выходят у меня из головы эти стринги, но для любимого можно немного и потерпеть. Меняю бельё в машине, чувствую себя «плохой» девчонкой.

Высоченная шпилька и жемчужины в одном месте больше похожи на пытку, но красота и эффектное появление требуют жертв.

— Здравствуйте. Я к Глебу Михайловичу Осипову, в номер 402, — говорю, протягивая паспорт.

Захожу в номер. В напольной вазе — персиковые розы. На столе — маленький букетик ландышей. Не забыл!

Рядом с кроватью накрыт стол на двоих. Шампанское в ведре со льдом, клубника в шоколаде. Странно, у меня аллергия на клубнику, может, для себя взял. Креветки, ананас — всё, что я люблю.

— Милая, это ты? — Глеб выходит из душа. Мокрые волосы, капельки воды скатываются по груди.

— Да, — нахожу завязочку на платье и уже готова за неё дёрнуть.

Лицо Глеба меняется. Он быстро оборачивается полотенцем, как будто раньше я не видела его голым.

— А ты здесь откуда? — Мне показалось, что Глеб вздрогнул, на лице мелькнул испуг, но голос звучит спокойно. — Ты моё сообщение видела?

— Я забыла телефон дома. Прости, так к тебе спешила. А приглашение на свидание увидела ещё в прошлые выходные. Адрес запомнила. Я рано?

Он что, не рад меня видеть?

Настроение понемногу улетучивается. Я жду, что муж крепко меня обнимет.

— Ты ещё занят делами? — стараюсь сгладить ситуацию.

Глеб подходит к кровати, хватает телефон. Смотрит на дисплей, потом на меня. Кому-то пишет. На переносице появляется морщина, что-то шепчет, пальцы быстро бегают по клавиатуре. Пытаюсь аккуратно заглянуть в телефон. Устала я уже делить мужа с работой. По первым словам переписки я научилась понимать, на сколько часов она затянется.

Глеб прикрывает телефон.

— Я что-то замотался. Думал, ты приедешь немного позже, когда я буду во всеоружии. Но раз ты уже здесь… — Он бросает телефон и распахивает полотенце. Идёт ко мне. — Я так по тебе соскучился. — Его рука скользит по моей спине. Горячее дыхание на моей шее. — Пойдём.

Одним движением он падает на кровать и тащит меня за собой.

Глеб вскидывает брови и хищно улыбается.

Улыбаюсь, поддаюсь на его ласки.

— Я давно тебя в таком настроении не видел, — говорит он томным голосом. От него начинает ныть внизу живота.

Тук-тук-тук. Ручка замка дёргается, но дверь не открывается.

В глазах Глеба паника.

— Я не повесил табличку «Не беспокоить». Наверное, это обслуживание номера. Вечно они не вовремя. Беги в ванную, — он подмигивает. — А я решу вопрос.

— Вот так? — показываю на его обнажённое тело. — Представляю, как горничная удивится. Я открою. Да и в душе я была перед самым выездом.

— Аня, иди в ванную, я пока разберусь, — в голосе металл, который больно царапает где-то внутри. — А потом я жду свой подарок.

Глеб встаёт, хватает с вешалки халат.

За дверью тихо. Может, горничная поняла, что пришла не вовремя?

Снова раздаётся стук.

— Глеб! — слышу настойчивый голос из-за двери.

Теперь точно нужно открыть.

— Да кто такой настойчивый? — распахиваю дверь. Уже готова разразиться гневным монологом: мол, приличное ме-

сто, а людям отдохнуть не даёте. И мы только заселились, нам ничего не нужно. Но слова застревают в горле.

— Глеб, мне долго тут в таком виде ждать?

На пороге стоит девица… в костюме горничной. Юбка не прикрывает ягодицы.

— Сюрприз, — девушка улыбается, выставляя грудь вперёд. Длинноволосая брюнетка с белоснежным чепчиком на голове. — Глеб, — она легонько отталкивает меня; в её голосе — мёд. — А что эта тут забыла? Ты не говорил, что у нас свидание на троих.

— Я для тебя, вообще-то, вот в это переодевалась. А может, оно и к лучшему, — она поворачивается ко мне. — Теперь ты сама всё видела, своими глазами.

Брюнетка опирается на стену и мерзко улыбается.

Что? Сердце бешено стучит. На глаза наворачиваются слёзы, я отстраняюсь от мужа.

— Остынь. Ничего не произошло, — Глеб хватает меня за руку и резко тянет к себе. Затем рявкает в сторону гостьи: — Девушка просто ошиблась дверью. Правильно?

— Как скажешь, — брюнетка обиженно бросает фразу и выходит, хлопнув дверью.

Делаю шаг к столу, хватаю тарелку с клубникой и швыряю её в мужа.

Пятно от раздавленной ягоды расползается по белоснежной простыне. Точно такое же пятно расползается сейчас у меня внутри. Не знаю, как дальше быть. Больно.

2

Глеб стоит напротив двери и не даёт мне выйти. Всхлипываю, сажусь на кровать. Всё внутри трясётся. Я чуть не поймала мужа на измене?

Смотрю на него: он спокойно подходит к тарелке с фруктами, берёт кусочек ананаса. Наливает в стакан воды и протягивает мне.

— Ань, успокойся! — Голос металлический. Даже если Глеб в чём-то виноват, раскаяния сейчас не видно. — Ничего страшного не произошло!

Он снова поворачивается к столу.

— Кстати! — Подаёт мне букет ландышей. — С праздником. Уже целых три года ты моя жена, а вместе мы пять лет.

Беру цветы. Никакой радости от них не чувствую. Руки ледяные. Уклоняюсь от поцелуя.

— Спасибо. Боюсь, ещё одного подобного подарка я не вынесу. Да и сама сейчас не способна стать для тебя сюрпризом, — говорю я. В горле пересохло. Выпиваю стакан воды, но жажду утолить не получается.

Осматриваю номер, пытаюсь глазами найти хоть какую-то улику. Никаких следов присутствия другой женщины.

— Ты с ней знаком? — смотрю Глебу в глаза. Если врёт, он же должен себя выдать: зрачки расширятся или ещё что-то произойдёт. Ищу любую зацепку. — Откуда она знает твоё

имя?

Глеб вздыхает, подходит поближе, кладёт руки мне на плечи.

— У меня есть несколько вариантов, кто это может быть.

Несколько вариантов? У Глеба столько любовниц, что он не может всех запомнить? Или это какой-то клуб по интимным интересам, где мужчине подбирают девушку из каталога?

От каждой мысли сильнее перехватывает дыхание. На лице мужа лёгкая улыбка. Он прижимает меня к себе. Пахнет гелем для душа. Мужским — уже хорошо, что не женскими духами.

— Ты прекрасно знаешь: у меня дела идут в гору. Мы подписали предварительный контракт на огромную сумму. И чтобы выбить у меня почву из-под ног, конкуренты могут использовать самые грязные способы. А подставная любовница — не самое страшное. Иногда жён похищают, аварии подстраивают. Если что-то подобное случится, о какой работе может идти речь? Поэтому мы с тобой легко отделались: всего пара минут — и у тебя мог случиться сердечный приступ.

Версия рабочая. Но почему он её выгнал, а не вызвал охрану?

Встаю с кровати, возвращаю букет ландышей в маленькую вазочку. Я обожаю их запах, но сегодня этот аромат меня душит.

Подхожу к накрытому столу. Кроме клубники, теперь уже размазанной по простыне, придраться не к чему.

— Давай поужинаем? — По голосу становится ясно, что Глеб больше не намерен продолжать разговор о девице.

Какая уж тут еда? Мне теперь полгода кусок в горло не полезет. Беру треугольник ананаса. Пахнет замечательно, но даже попробовать не могу. Тошнит. Что-то мне подсказывает: всё не так, как Глеб хочет представить. Какое-то внутреннее чутьё.

Муж встаёт рядом. От его энергетики меня бросает в дрожь. Но я не сдамся, пока не разберусь, в чём дело.

— Я уже не голодна. Думаю, мне лучше сейчас поехать домой и переварить случившееся. Самой всё обдумать, может, с кем-нибудь со стороны обсудить.

— А о другом варианте не думаешь? Не допускаешь, что это происки кого-то из твоего окружения? У тебя несколько подружек недавно развелись, у вас уже целый клуб обманутых жён собирается. Не могли ли они из зависти подослать девицу?

Что за бред? От этих слов закружилась голова. Да, две мои хорошие знакомые и одна подруга недавно развелись, но не думаю, что кто-то из них мог позавидовать моим семейным отношениям.

— Нет, Глеб. Ты плохо знаешь девочек, они на это неспособны. Зачем Лиде это? Она сама была инициатором развода.

— Да, только одна из твоих подружек случайно оказалась в ванной с чужим мужем. Какое совпадение, — говорит он. Чувствую, его раздражает этот разговор. Наверное, если бы меня в чём-то подозревали, я бы тоже разозлилась.

Глеб садится в кресло. Полы халата распахиваются, и создаётся впечатление, будто он в плаще супергероя.

— Аня, у нас сегодня годовщина, — в голосе звучит раздражение. — Я хочу провести этот вечер с тобой. Всё, остальные факторы меня не интересуют. Выброс всю дурь из головы. Я жду свой подарок.

Он окидывает меня взглядом и скрещивает руки на груди. Во взгляде читается: «Ну давай, удивляй. Я жду».

— Мне надо в ванную. На минуту освежить лицо.

Заскакиваю в ванную, закрываюсь на щеколду. Включаю воду, чтобы усыпить бдительность Глеба. Окунаю кисти в ледяную воду — нужно успокоиться, эмоции сейчас не лучшие помощники.

Аня, надо принимать решение. Остаёшься и принимаешь всё на веру или стараешься разгадать загадку с десятью вариантами ответа.

3

Глеб

«Годовщина свадьбы», — мелькает сообщение на телефоне. Твою мать, снова забыл, а сегодняшний вечер уже распланирован: быстрые переговоры, потом «командировка» в загородный отель. Куда ещё жену вставить в и без того плотный график?

Откидываюсь в кресле, делаю глоток кофе. Поставщика зерна надо менять: не напиток, а пережжённая дрянь.

Сначала встреча в «Лотосе». Значит, нужно найти что-нибудь поблизости, чтобы немного побыть с женой, а потом удалиться по своим делам. Бизнес — дело такое: всегда требует полной включённости.

На сайте «Лотоса» специальное предложение. По низкой цене можно снять номер в соседнем корпусе. Оплачиваю для Аньки номер и ужин со шведским столом.

«Аня, с годовщиной. У меня для тебя небольшой подарок. Приезжай в 20:00».

Отправляю сообщение. Скидываю адрес отеля.

Анька молчит. Может, обиделась, что с утра не поздравил, хотя это на неё не похоже.

В телефоне светится сообщение от «Татьяны Лариной». Тоже мне, мечта поэта.

«У меня для тебя сюрприз».

Дальше — фотография: обнажённое тело, наряженное в фартук горничной, в руке — мохнатая штука, которой смахивают пыль.

«Мне кажется, в твоей голове нужно хорошенько прибраться».

Это точно. От такого объёма работы скоро превращусь в робота. Времени на сон почти нет. Хорошо хоть, питание отлажено от и до, да и спортом занимаюсь.

А теперь ещё и время на приятности нашлось: если раньше ходил с парнями в баню, то теперь еду к Тане — снимать стресс.

Ещё два часа работы. Быстро собираю созвон: не люблю, когда дела копятся. Любую проблему в бизнесе нужно решать сразу.

— Отчёт жду сегодня. Если до двенадцати не будет — приму карательные меры. Накажу рублём.

Сотрудники кивают, как китайские болванчики, но в отчётах накосячат — всё получается косо-криво, криво-косо. Куда отдел кадров смотрит, когда набирает весь этот сброд?

Последние силы оставил на этих дебилов. До конца рабочего дня ещё сорок минут, но я-то могу позволить себе уехать.

Тем более мне нужно побыть одному, принять душ и перезагрузиться. Ненавижу тащить рабочие проблемы в личную жизнь. Я Аньке никогда не жаловался, а Таньке — тем более.

— Глеб Михайлович, ландыши. У меня с прошлого года в ежедневнике записано, что они нужны, — Марта, моя личная помощница, протягивает букет.

— Отлично, — говорю я. Ну хоть кто-то помнит об этой ерунде. Забираю цветы. Надо не забыть потом перенести их во второй номер.

Еду в отель. Асфальт — как стиральная доска, не хватало ещё и подвеску угробить. Сбавляю скорость. Парковка пустая. Становлюсь в угол, чтобы меньше привлекать внимание.

— Добрый день, — девчонка на ресепшене улыбается во весь рот, хлопает ресницами.

Мне глазки строить не надо, я всё равно смотрю выше груди. А её упругая троечка так и норовит выпрыгнуть из строгой белой рубашки.

— Номер у меня оплачен. Моя фамилия — Осипов, — протягиваю буклет. — Ко мне сегодня гости придут. Пока не знаю, с ночёвкой или нет.

Надеюсь, что да.

— Вы можете оставить стоимость ночи на депозите, и по вашему звонку мы всё спишем. Вам даже не нужно будет к нам спускаться. У вас ещё ужин оплачен. Скоро всё будет готово.

С юности мечтал стать обеспеченным мужчиной. Я знал: когда у тебя костюм стоимостью с годовой бюджет среднего города, любая красотка готова и в рот заглядывать, и свой

открывать только на уровне моей ширинки… И не задавать лишних вопросов.

Забираю ключи, поднимаюсь в номер.

Белоснежное постельное бельё, идеальные полотенца. У меня на этот счёт всегда пунктик — брезгливость.

До приезда «горничной» есть время: можно зайти в душ и смыть усталость. Включаю горячую воду. Одному в душе всё-таки скучновато. Слышу, как привозят еду. Через пару минут дверь закрывается.

Потом она снова открывается. Может, Танька приехала раньше? Хватаю самое большое полотенце и оборачиваю его вокруг бёдер.

— Дорогая, это ты? — громко спрашиваю.

Уже представляю: выйду из ванной, а передо мной — точная копия с фотографии. Открываю дверь и не верю своим глазам.

Передо мной не мечта, а жена. Трясу головой. Может, от переработки и горячей воды у меня начались галлюцинации? Откуда она здесь? Как узнала?

— Ань, ты откуда здесь? — спрашиваю, стараясь держать лицо, пока не выясню, в чём дело. — Я тебе отправил сообщение. Ты его получила?

Ненавижу, когда всё идёт не по плану. Хватаю телефон. Ещё раз проверяю адрес: Аньке отправил правильный.

— Глеб, я телефон дома забыла. К тебе спешила, — она

хлопает глазами, переминается с ноги на ногу.

Перевожу взгляд на её ноги. Красивые туфли на каблуках. Да, давно жена их не надевала, а тут прямо повод.

Стоп, а как она тогда здесь оказалась? Нужно спасать положение. Пишу Таньке, что свидание пока придётся отложить и она может пойти в соседний корпус — скоротать время за игристым.

— Надеюсь, ты не злишься. Я не специально, не хотела испортить твой сюрприз. Просто запомнила адрес отеля.

Не понимаю, как можно запомнить то, чего не знаешь.

— Я собирала вещи в стирку, проверяла карманы пиджака, чтобы снова не постирать твои международные права. И нашла буклетик с данными отеля. Чтобы тебя не расстраивать, сделала вид, будто ничего не знаю. Прости. Пожалуйста.

Идиот. Вот нафиг улики домой тащить? Мог всё в офисе оставить.

Значит, секс-уборка у меня накрылась, но можно устроить хороший домашний праздник — со всеми вытекающими.

Анька выглядит превосходно: нежная, трепетная, а теперь ещё и немного провинившаяся.

Распахиваю полотенце — я уже в полной боевой готовности. Анька, как фокусница, одним лёгким движением распахивает платье… Это точно моя жена?

Подхожу ближе. Горячие губы, лёгкие стоны.

— Может, нам почаще так выбираться? — шепчет мне на

ухо.

Прикрываю её губы своими. Хочу скорее «пролистнуть» прелюдию. Падаю на кровать, тяну её за собой.

Тук-тук. Что за хрень! Это же не может быть Таня. Какой-то комедийный случай, достойный российского кинематографа, но не моей жизни.

— Не отвлекайся, постучат и уйдут, — не выпускаю жену из объятий, прижимаю к себе сильнее.

— Но там стучат, — она немного отстраняется от моих поцелуев. — Может, открыть и сказать, что нам ничего не нужно?

— Я сам скажу, — отталкиваю Аньку. Я должен первым оказаться у двери, чтобы она ничего не заподозрила. — Ты пока можешь зайти в ванную.

Анька непонимающе смотрит. Как же бесит меня эта тупость! Если сказал: «Зайди в ванную», значит, нужно сделать, как муж говорит, а не включать дуру.

Снова стучат. Да твою ж мать!

— Глеб, я долго так стоять буду? — доносится из коридора вызывающий визг.

Хватаю халат. Анька опережает меня и открывает дверь. По её лицу вижу, что она в шоке. Выглядываю из-за плеча. Ну, если что-то ужасное и должно было случиться, то вот оно.

Делаю спокойное лицо. Может, полуголая девушка ошиблась номером. Только бы рот держала за зубами.

Ещё одна клуша. Она моё сообщение не видела или специально так сделала?

На лице Ани — смесь страха, удивления и брезгливости.

— А что тут эта делает? — спрашивает Танька с презрением в голосе. — Я не думала, что у нас будет свидание на троих.

Танька обмахивает свои туфли этой мохнатой фигнёй для уборки пыли.

Дура, включи мозг и закрой рот.

Анька делает два шага в сторону и упирается в стену. Дышит часто-часто, на глазах слёзы.

— Остынь. Ничего не произошло. Девушка просто ошиблась дверью. Правильно? — смотрю на Таньку. По интонации и взгляду понятно: возражений я не жду.

— Как скажешь, — «горничная» обиженно зыркает на меня, потом опускает глаза в пол и, громко хлопнув дверью, вылетает в коридор.

— Вот и забудь всё, как страшный сон, — подхожу к жене вплотную.

Анька выворачивается, подходит к столу и берёт тарелку с клубникой.

— Жаль, что ты забыл: у меня аллергия на клубнику. Теперь я вижу, кого ты собирался ею угощать, — говорит она и швыряет тарелку в меня.

— Ты с ума сошла? Прекрати истерику, мозги включи! Ты сюда приехала, чтобы отметить наш праздник, так давай

этим и займёмся!

4

Аня

Выхожу из ванной. Немного успокоилась и поняла, что делать дальше.

— Теперь твоя очередь, — показываю на душ. — Я пока переведу дыхание. От такого праздника я ещё нескоро в себя приду.

— Ань, ты сейчас преувеличиваешь. Если бы ты пришла, а со мной тут была голая девица, тогда да. А сейчас что не так? Я тебе хоть когда-нибудь врал?

Заговаривать зубы — одно из умений Глеба. Но то, что он раньше мне не врал — или я его не ловила, — правда.

— Мне нужно побыть одной и уложить в голове всё, что произошло.

Изо всех сил сдерживаю слёзы. Руки трясутся, в левом плече начинает ныть. Когда я перенервничаю, невралгия всегда даёт о себе знать.

— Ань, хватит себя накручивать. Мы с тобой вместе, никакой измены или чего ты там себе придумала, не было. И я не намерен больше оправдываться за твои выдумки.

Глеб снова меняется в лице. Челюсть чуть выдвигается вперёд, на лбу появляются морщины.

— Такой ужин испортили… — говорит он, берёт вилкой креветку и отправляет её в рот. — Да, мне нужно ещё раз в

душ, а то из-за этих непоняток я весь вспотел. Давай и ты ко мне присоединишься? Идём? — Он машет мне рукой.

— Прости, я сегодня переночую у родителей.

— Нет, ты ночуешь дома, — говорит он, подходит к вешалке, где висит его сумка, и достаёт из кошелька несколько купюр. — Завтра сними стресс, купи себе какую-нибудь ерунду.

Эта фраза — как удар под дых. Воздуха не хватает. Дождалась: теперь он пытается заткнуть мне рот деньгами.

— Я тебя предупредил.

Выскакиваю из номера, бегу по ступенькам.

Вылетаю в холл отеля. Девушка на ресепшене мило улыбается. Видимо, она знает наш секрет и теперь думает, что меня из номера поганой метлой выгнали.

От этого становится ещё горше.

Ноги еле держат меня на каблуках. Стринги, будь они неладны! Но теперь я знаю: они не самое страшное в моей жизни. Переодеваюсь в машине. Жемчужная нитка цепляется за каблук. Дёргаю изо всех сил — бусины рассыпаются по полу.

Чёрт!

Руль не поворачивается. Видимо, когда вылезала, что-то заблокировала. Только этого не хватало! Нужно скорее уезжать, чтобы Глеб не успел меня догнать. Никаких разборок на улице — я выше всего этого.

Завожу машину, отъезжаю подальше от парковки. И даю

волю чувствам.

Какая же я дура. Мне всегда казалось, что я так хорошо знаю супруга, что сразу замечу любые перемены в его поведении. Это лохушки годами не могут вычислить измену, а я… А я сама попалась на эту удочку. Дура.

А вдруг я дура, потому что верю своим глазам? Сердце, ну подскажи мне, что делать. Прислушиваюсь к себе — тишина. Как будто вся моя интуиция собрала чемоданы и перешла на сторону Глеба.

«Она знала его имя», — стучит у меня в голове.

В машине душно. Выхожу подышать. Срочно нужно с кем-то поговорить, а то от избытка негатива меня разорвёт на миллион маленьких Ань.

Блин, как я могла забыть телефон!

Мчусь домой, чтобы быстро собрать вещи и уйти. Не могу сейчас быть рядом с мужем — противно и гадко.

Как Глеб мог так поступить? Мы обещали быть друг с другом честными, придумали устраивать совместные ужины, чтобы без претензий делиться своими переживаниями. А теперь у него работа на первом месте. А если ничего не было? А если было?

Забегаю в квартиру. Интересно, он эту девицу к нам домой приводил? Может, пока я на работе, Глеб, ссылаясь на огромную занятость, приятно проводит время в нашей кровати? Моё воображение работает на всю катушку.

Внутри поднимается гадкое чувство брезгливости. Даже

если этой девицы никогда не было в квартире, нужно заменить всё постельное бельё.

В рюкзак скидываю немного вещей. На рабочем столе лежит телефон. Хочется швырнуть его в стену — это он виноват, что случилась вся эта грязь. Если бы Глеб написал раньше, если бы я не залезла в его карман, если бы вовремя прочитала сообщение… От слёз закладывает нос, и я, видимо, плохо соображаю от нехватки кислорода. Как я вообще могу оправдывать поступок Глеба, обвиняя во всём остальных?

В телефоне — четыре пропущенных от Глеба. Одно сообщение от него же удалено — видимо, то, которое я должна была увидеть: с адресом, где он меня ждал.

«Жди меня дома. Не наломай дров».

Последнее сообщение от мужа.

Ага, конечно.

Возвращаюсь в машину. Отъезжаю немного от дома и останавливаюсь в соседнем дворе.

Сажусь на лавочку так, чтобы видеть наш двор. А вот и Глеб — снова едет без фар.

5

Аня

Во рту пересохло, воздух комом застрял в глотке. Нужно срочно с кем-то поговорить, иначе я задохнусь от собственных эмоций.

Набираю лучшую подругу Лиду. У нас с ней во многом разные взгляды на отношения и мироустройство, но она всегда рядом, если жизнь сменила направление и катится в тартарары. Трубку не берёт.

Ладно, попробую поговорить с мамой. Это не лучший вариант, хотя мне сейчас не нужен совет — только чтобы меня выслушали. У мамы есть подпольное имя — «Решай сама». Я так её прозвала, потому что на любой вопрос серьёзнее, чем какой хлеб купить, получаю один и тот же ответ.

Когда я отказалась поступать на логопедию и выбрала факультет иностранных языков, мама решила, что я её предала, и стала демонстративно «не лезть» в мою жизнь.

Вернее, в мою жизнь она вмешивается тайком: устраивает скандалы и истерики, когда ей выгодно. А если я обращаюсь за советом, реакция одна: «Ты уже большая, всё лучше знаешь. Решай сама».

С папой всё интереснее. Есть ощущение, что он всегда на моей стороне, но это до тех пор, пока не появляется какая-нибудь выгода.

В последний раз, когда Глеб решил, что я должна отказаться от науки и самореализации и сидеть дома, он подарил папе дорогущий спиннинг и велосипед. И заполучил себе единомышленника. Интересно, что нужно преподнести сейчас, чтобы родственники закрыли глаза на измену?

Набираю маму — занято. Интересно, Глеб меня опередил или тётя Маша, мамина сестра, уже принесла новости со всех ток-шоу?

Звонит мама.

— Анечка, а ты чего там придумала? — голос матери наигранно заискивающий. — Глеб звонил, рассказал, что у вас такое недоразумение произошло. И ты решила уйти?

— А что я должна была сделать?

— С мужем остаться. И продолжить ваш праздник. Он свой выбор сделал, что тебе ещё нужно? Если бы он эту девушку пригласил войти, а тебя попросил уйти, тогда да — мерзавец. Может, у них ещё ничего и не было, — кажется, мама старается сама себя убедить. — Да и меньше знаешь — лучше спишь.

— Ты не понимаешь, — всхлипываю. — Это была неслучайная встреча. Это я приперлась.

— Анна, выключи истерику. Нашла повод для рыданий. Ты его с бабы сняла?

— Мам, что ты такое говоришь!

— Вот и я о том же. Прямых улик нет, а додумывать не надо, — говорит она таким тоном, будто отчитывает дворо-

вую девку.

— Мам! — начинаю рыдать. — Ты должна быть на моей стороне!

— А я и так на твоей. Кто о тебе, дурёхе, ещё подумает? У вас сегодня праздник, ты об этом помнишь?

Угукаю.

— Вот, слёзы вытри, улыбку нацепи, причёску поправь. И вперёд — создавать правильное настроение и себе, и мужу. Глаза раскрой: он у тебя привлекательный, богатый, умный мужчина. За таким всегда табуны бегают. Что же ты Серёжу из соседнего подъезда не выбрала? Потому что тухляк голимый, он никому не нужен. Не самец. А за своего мужика надо грудью стоять. И не только.

Мама заканчивает озвучивать инструкцию по применению мужика. Прорывается вторая линия.

Лида.

Сбрасываю мамин звонок.

— Ну что, Нюр, стринги с бусами — огонь? — у подруги прекрасное настроение. — Что-то недолго ваш праздник длился. Не думала, что Глебушка такой скорострел.

— Лид, у нас не дошло до постели. Муж мне такой подарок сделал… Девушку в костюме горничной, — сама не верю, что произношу это вслух. — Он собирался подарить ей мои ландыши.

Это что-то настолько личное и болезненное, что не передать словами.

— Ого-го, а Осипов-то шалун. Тройничок без согласования захотел, — Лида начинает весело, но потом меняет тон на сочувственный.

— У него любовница, а я случайно сорвала их свидание. Пришла раньше неё.

— Ох, растудыть-твою-тудыть. И что планируешь делать?

— Не знаю. Мама мне сейчас заявила, что за таким мужиком, как Глеб, всегда очередь. И я должна всех отгонять или из кожи вон лезть, чтобы его интерес не пропал.

— Думаю, она права, — Лидка громко выдыхает. — Не руби сгоряча. Дай себе время всё обдумать.

— Серьёзно? Ты же сама недавно развелась. И ничего, как мама говорит, цветёшь и пахнешь.

— Ань, именно потому, что я недавно развелась, я не могу советовать тебе того же. Я думала: выйду за порог — и тут же набежит толпа претендентов. Приезжай сегодня ко мне, у меня безопасно. Советов раздавать не буду, но выслушаю тебя до последнего словечка.

На второй линии снова Глеб.

Тяжело выдыхаю. Что ему ответить?

6

Глеб

Остаюсь в номере один. «Хорошо» прошло свидание: одна сбежала, вторую сам выгнал.

Ну вот, как могла сломаться моя идеальная схема? Начинаю собираться: нужно ехать домой, успокаивать женушку. Что за человек — обязательно влезет, куда не просят, а потом ещё раздует из этого проблему.

Звоню тёще. Сообщник-помощник всегда должен быть.

— Мам, привет, — захожу сразу с козырей. За всё время нашей с Анькой совместной жизни я ни разу не называл тёщу мамой.

— Глебушка, я так рада тебя слышать. Что-то случилось? — В голосе — материнская забота.

— Тут недоразумение вышло. У нас же с Аней сегодня годовщина. Я всё подготовил: номер в красивом отеле снял. И перепутал — переписок-то в телефоне много, а тебя ещё и на переговорах постоянно отвлекают. Получилось, что приглашение получила и Аня, и ещё одна девушка. Случайно. Вот когда мы с Анютой уже садились за стол, та тоже пришла. Представляете? Я чуть со стыда не сгорел, оплошал по всем фронтам. Аньке сказал, что девушку не знаю. Вы же сами понимаете: она любит из мухи слона сделать.

Вру и сам поражаюсь своей сообразительности. А теще

уже дважды приходили от меня чужие сообщения: то я орал на секретаршу, что воду в офис не привезли, то кого-то за отчёт расчихвостил. Тогда мир и подсказал мне, как всё можно провернуть.

— Я всё поняла. Хорошо, что позвонил. Мы вдвоём скорее пробьём Анькино упрямство. Не переживай, день-два пообижается — и сама назад попросится.

— Спасибо. Неловко звонить, но кто, кроме вас, меня поддержит?

Отлично, теперь можно немного расслабиться. Сейчас мамо включит режим защиты любимого зятя. Нужно ей цветочки прислать в знак благодарности.

Заканчиваю разговор с тёщей. На дисплее горят два сообщения от Татьяны.

«Глеб Михайлович, простите, не увидела ваше сообщение. Я сильно накосячила?

Готова понести наказание…»

Дальше картинка: женщина в латексе, с кляпом во рту. Ох и затейница.

«Я пока занят. Телефон держи при себе, ты можешь мне ещё понадобиться».

Собираюсь — надо ехать домой. Быстро одеваюсь, выхожу в холл.

— Хорошего вечера, — улыбается «троечка» на ресепшене. Думаю, она была бы не против скоротать со мной время во время пересменки.

Сажусь в машину, еду домой. Блин, как не люблю я эти разборки. Анька сейчас начнёт вопить, что я предатель. Мне надо делать вид, что я не понимаю, о чём она, что какая-то баба ей померещилась и ей нужно больше спать, а не читать по ночам своё фэнтези. А то ещё мало ли что померещится.

«Жди меня дома».

Отправляю сообщение жене. Если она думает, что я сейчас должен упасть в ноги и оправдываться, хотя ни в чём не виноват, то она сильно ошибается.

Во дворе дома её машины нет. Может, ещё не приехала — остановилась на светофоре порыдать.

Захожу в квартиру. В воздухе пахнет духами — видимо, надушилась ещё перед тем, как ко мне поехать. Набираю Анькин номер: если она ещё не приехала, телефон должен лежать где-то здесь.

Занято. Ага, значит, уже слиняла. Захожу в спальню — никаких следов побега. Одежда как висела в шкафу, так и висит. На кухне тоже, на первый взгляд, всё на месте. Деньги и документы не забрала. Это хороший знак: значит, побрыкается немного и вернётся домой.

Дверь в Анькин кабинетик открыта. Вообще, по плану это кладовка, но она отвоевала его себе, когда работала над диссертацией. На полке — «учёная» шапка, в которой она фотографировалась после защиты в магистратуре. Как меня задолбала её учёба! Именно из-за неё в моей жизни появилась Таня. Эти созвоны с руководителем, когда все ложатся спать,

а у них из-за разницы во времени начинается учебная деятельность. Потом практика, потом научные конференции. А однажды я вместо дома зашёл в бар и нашёл себе приятное хобби.

Если Анька поехала к тёще, значит, вечер у меня свободен. Пока жена рыдает на широкой груди матери, я могу ещё немного отдохнуть. Она сама сделала выбор, я тут ни при чём. И что теперь, я должен сидеть и скучать, ждать, когда все дурные мысли выйдут из Анькиной головы? У меня на эту жизнь другие планы.

Тем более номер заказан, ужин оплачен. Огромная круглая ванна с какими-то прибамбасами ещё не протестирована. А кровать толком не примята. Нужно всё это исправить.

Набираю сообщение Таньке:

«Наш номер оплачен до утра. Сейчас буду. Твоё предложение о наказании ещё в силе?»

Ответ приходит сразу:

«Вся в ожидании».

7

Таня

— Тань, в таком виде на свидание ехать не очень прилично. Надень платье, а там переоденешься, — Наташка вечно со своей моралью.

— У тебя поэтому и мужика нет. Ты не представляешь, Глеб — он такой, — поднимаю руки, изображая его величину. — Просто мечта, а не мужчина.

— Конечно, без изъянов…

— А вот тут есть один промах. Жена. Он о ней не говорил, но социальные сети помогают не быть дурочкой.

— Тань, фу, лезть в отношения.

— Ты так говоришь, потому что их вместе не видела. Как говорила моя бабушка: ни кожи ни рожи. Простая какая-то девица, а ему нужна, — веду рукой вдоль себя, — королева.

Натягиваю костюм горничной. Делаю пикантные фото и отправляю их Глебу для затравки.

Ещё на курсах по обольщению мне говорили: нужно сделать так, чтобы мужчина заранее был в предвкушении, давился слюной. Тогда ты для него — самый лакомый кусочек.

Вызываю такси бизнес-класса.

— Какая цаца, на работу? — бросает таксист и цокает языком.

Он что, хочет сказать, что я похожа на девушку по вызову?

Вот хамло! Поставлю ему два балла.

Приезжаю в отель, сверяю адрес с сообщением от Глеба — всё правильно.

Выхожу из машины, показываю таксисту средний палец. Дальше иду походкой от бедра. Охранник просто открывает рот, но ничего не спрашивает. На ресепшене какая-то клуша: улыбнулась — и всё. Нужно отключить звук на телефоне. Сообщение от Глеба:

«Свидание пока переносится на попозже. Можешь пойти в соседний корпус. Скоротаешь время за игристым».

Ага, я похожа на дуру? Пойду проверю, что там происходит. В такие гостиницы с деловыми партнёрами не ездят.

Вот она, заветная дверь в моё счастливое будущее.

Прислушиваюсь, будто за дверью что-то происходит. Я думала, в номере только Глеб, но слышу какую-то возню.

Стучу. Возни становится больше. Женский голос — слабенький. Глеб рычит, слов почти не разобрать, но от его интонации по коже бегут мурашки.

Дёргаю за ручку.

— Глеб, я уже тут! — кричу так, что слышно в соседних номерах.

Дверь открывается. На меня смотрит лупоглазая девица — жена Глеба. У меня есть два варианта: сделать вид, что я ошиблась, но тогда мой статус любовницы никогда не изменится, или идти напролом и показать, что рядом со львом может быть только львица.

— Глеб, а ты не говорил, что у нас свидание втроём, — говорю я, но не могу поднять на него глаза. Даже на расстоянии чувствую, как он мной недоволен.

— Девушка ошиблась. Она сейчас уйдёт, — говорит Глеб. — Объяснит жене.

Как же больно от этих слов. Но сейчас его лучше не злить. Разворачиваюсь на каблуках и ухожу. Иду в соседний корпус, ждать дальнейших указаний.

Да, Наташка была права: ходить с голой задницей между корпусами — такая себе идея. Мужики головы сворачивают, но мне нужен только один.

Захожу в номер. В народе такие называют «переночевать и бросить кости». Никакого шарма или лоска. В холодильнике — бутылка игристого. Беру её в руки. Ой, нет, я такое даже в худшие времена не пила. Ни цветов, ни убранства — где флер свидания?

Сижу, вздыхаю. Ну и провальное свидание. Нужно потом напомнить Глебу, чтобы купил мне что-нибудь — браслетик или новую сумочку — в качестве извинения.

Блин, и пожрать ничего нет. На столе лежит талон на шведский стол. Иду на ужин. Винегрет, тушёная капуста, гороховый суп, рис и гречка. Да уж, пансионат для престарелых диабетиков, а не место для свидания.

Приходит сообщение от Глеба: могу вернуться в главный корпус. Бросаю на полпути эти дурацкие салатники.

Девушка на ресепшене снова поворачивает ко мне голову.

— Я к Глебу Осипову. Мне нужна карта от номера, я его гостья. Хочу сделать ему сюрприз, — говорю и протягиваю паспорт.

Девица, видимо, в курсе: делает недовольное лицо, но ключ-карту даёт.

Поднимаюсь в номер. Розы — это мои. Заберу их потом домой. Но прекрасный вид цветов перебивает жуткая вонь от ландышей. Кто их сюда притащил? Хватаю букет — безликий и уродливый, как хозяйка. Одним движением срываю головки цветов и кидаю их в мусорку.

Жена Глеба, с тобой будет то же самое!

8

Аня

Долго я буду сидеть на этой лавке? Что я высиживаю? Аня, хватит раскисать, включай мозги. Умение собраться в разных ситуациях — одно из моих качеств. Долгая учёба, работа с подростками, участие в конференциях, где все готовы доказывать, что твоя работа псевдонаучна, — отличный житейский опыт. Я так думала, а сейчас в голове только одна фраза: «Она знала его имя».

— Аня, — перезванивает Лида. — Ты сейчас где? Я что-то за тебя волнуюсь. За руль не садись. Когда я узнала, что мой осёл изменяет, чуть в аварию не попала: из-за слёз не увидела машину. Давай не будем тобой рисковать.

— Спасибо. Я сижу в соседнем дворе. Глеб приехал домой. Лид, так больно.

— Посиди ещё десять минут. Целую, милая.

Надо было забрать ландыши, теперь их выбросят в мусорное ведро. Горничная… Я с таким букетом даже замуж выходила, думала — навсегда. А тут…

Подхожу поближе к нашему дому. На кухне горит свет. На душе не кошки скребут, а огромный экскаватор ковшом ворочает.

На телефоне светится «Любимый». Нужно переименовать его во что-нибудь неприятное.

Беру трубку и молчу, даже дышать боюсь. На глазах слёзы.

— Ань, ты где? С тобой всё в порядке? — спокойно спрашивает он, как будто ничего не произошло.

— Не знаю, можно ли после всего сказать, что всё в порядке.

— Все могут ошибиться. Главное — постараться всё исправить. Вот и девушка: шла в другой номер, а попала к нам.

— Поняла, — решаю не переливать из пустого в порожнее. Глеб всё равно не сознается.

— Ты когда придёшь?

— Не сегодня, — шаркаю по обочине, поднимая пыль.

— Мне кажется, ты просто устала. Учёба, работа, открытие языкового центра — тут и мужик такой нагрузки не выдержит. Может, тебя с мамой отправить в отпуск? В санаторий или куда-нибудь на побережье?

— Я подумаю.

— Мне важно знать, что ты в безопасности, что с тобой всё хорошо.

Одними губами произношу: «Я люблю тебя», но вслух не издаю ни звука. Прижимаю телефон к груди.

Молчу. В голове водоворот. Может, он прав и от усталости я стала слишком тревожной? И мама права: Глеб — видный мужчина. Но готова ли я за него бороться? Не готова. Выбор всё равно за ним.

— А вот и я! — Лида появляется с двумя высокими стаканами какао и безе с заварным кремом. — Помнишь, как в

каком-то фильме было: подними руку высоко, потом резко опусти и скажи: «Ну и хрен с ним»?

Глаза сильнее наполняются слезами.

— Ешь и рассказывай. Или поедем ко мне? Или в клуб?

— Тут посидим. Может, после разговора мне станет легче, и я пойду домой.

Сажусь на лавку. Машина Глеба как на ладони.

Лида гладит меня по спине.

— Рассказывай. Убирай эмоции, только факты. Будем играть в детективов.

Пересказываю всё, стараюсь вспомнить важные мелочи: мои любимые ландыши и клубнику, которая однажды чуть меня не убила. Мы были у бабушки Глеба, и она настояла, чтобы я съела ягод прямо с грядки. Клялась, что от домашних ягод аллергии не будет, ведь их ничем не обрабатывают. Чтобы её не обидеть, я съела горсточку. Аллергия, отёк, скорая помощь.

— Слушай, ну, зная, что у тебя такая реакция, даже если Глеб съест ягодку, а потом поцелует тебя, последствия могут быть непредсказуемыми.

— Да, но ландыши… Кому они ещё, кроме меня, нужны?

— Парадокс. Может, он вас по очереди планировал? — Лида громко втягивает через трубочку пенку со дна стакана.

— Что?

— Ну, одна ушла, другая пришла. Если бы горничная должна была съесть клубнику, ты бы о ней и не узнала. Но

как же тогда быть с цветами?

— С цветами, — вспоминаю про розы.

— Знаешь, я хорошо отношусь к Глебу. Видела, как вы общаетесь и как он к тебе относится. Но, блин, после развала моего идеального брака я теперь готова и на айсберг дуть.

Киваю. Лида права.

Поднимаю глаза на кухонное окно — свет выключен. Наверное, Глеб пошёл за компьютер.

«Пик-пик». Машина Глеба мигает фарами. Заводится мотор. А вечер перестаёт быть томным.

— Глеб куда-то собрался…

— Когда я говорила, что мы будем детективами, я не это имела в виду, — Лида обнимает меня за плечи. — Но мы должны узнать, куда собрался этот засранец.

9

Аня

Садимся в машину Лидки. Кажется, моё сердце стучит громче, чем ревёт мотор.

— Анюш, — так Лида называет меня, когда в моей жизни подкрадывается пипец. — Хорошо всё обдумай: нужна ли тебе вся правда?

Подруга смотрит только на дорогу. Зато я пялюсь на неё, пытаясь расшифровать послание.

— Что ты имеешь в виду?

— Я только о своём опыте говорю. Иногда, особенно по вечерам, думаю: нафиг я вообще включила режим мисс Марпл? Жили бы себе и жили, я бы через пару лет родила. Колька косячил не то чтобы сильно. Если бы не это фоновое жужжание, что за всем что-то кроется, я бы и не поняла. В наших отношениях за последние годы ничего не изменилось. Ну, накопала я его бабу, узнала, что мои постоянные проблемы по-женски — оттого, что муж кобель. Со здоровьем стало легче: пролечилась — и всё, никто чужую микрофлору не таскает. А в остальном…

— Лид, всё так плохо?

Да уж, хреновая я подруга. Мне казалось, что после развода Лида, наоборот, стала счастливее. Оказалось, я многого не замечаю. Слежу за машиной Глеба: она от нас через три

машины. Успеваю высматривать её только на светофорах и перекрёстках.

— Я же думала, что он за мной на пузе будет ползать, умолять простить его, ребёнка попросит. Много всякого было у меня в голове. А Коля вещи сгреб и ушёл. Он с той, должно быть, счастлив, а я до сих пор не пойму, нужна ли мне была эта правда.

По спине пробегает холодок. Решение непростое, страшное. Но жить во лжи…

— Ты готова уйти?

— Сейчас не готова. Такие мысли нужно подольше переваривать, жевать и пережёвывать, чтобы понять, чего хочется. Но если Глеб любит другую, я смогу выжечь в себе все чувства и отпустить его.

В машине снова тихо. Каждая из нас гоняет по кругу свои вопросы.

— Анюш, ну значит, купим мы с тобой дом в деревне, заведём коз, будем сыр варить. Ты будешь учить бабок и дедов английскому. Или выйдем на французский гастрономический рынок. Не пропадём, — Лида гогочет. — Это у меня минутка депрессивного скетча была. Нафиг мне этот Колька с его бабой не нужен. Она думает, что бриллиант отхватила. Ага.

— Ну и отлично.

Мы снова стоим на светофоре. Машина Глеба уехала вперёд. Но на этом перекрёстке я сегодня уже была и знаю, куда

ведёт дорога.

— Он едет в гостиницу, где мы сегодня были.

— Может, что-то забыл? — Лида пытается выглядеть оптимисткой.

— Да. Свою совесть и последние капли моего доверия, — голос дрожит, на глазах снова слёзы.

Стена за моей спиной рушится. Глеб выбивает кирпичик за кирпичиком. Помню, как подружки завидовали мне, когда мы только начали встречаться. Мне было чуть больше восемнадцати, а Глеб по нашим меркам был очень взрослым. У него уже был свой бизнес, машина. Он дарил цветы, помогал оплачивать курсы и важные семинары. Мы даже ездили на каникулы в Англию и Францию. Глеб смеялся: как можно учить людей языку, если никогда не слышала речь в оригинале? Он поддерживал меня во всём. Что могло пойти не так? Что я сделала не так, что он нашёл другую женщину? Ну, может, не сидела дома, не надела бы такой костюм горничной… Муж часто говорил, что самые сексуальные женщины для него — умные и начитанные. А потом появилась эта девушка. Хотя, может, у неё тоже за плечами аспирантура.

— Ань, я Глеба из виду потеряла, — Лида растерянно смотрит на меня.

Ищу в навигаторе отель «Лотос», включаю голосовое сопровождение.

— Уже и так понятно, куда он едет. Уборку делать. Напарница, наверное, уже заждалась.

— Ань, назад дороги нет, ты помнишь? Ты решила, что будешь делать с этой правдой? Может, не пойдёшь в номер? Подождём их на парковке, хорошо?

— Нет, ты Глеба плохо знаешь. Даже если мы загонем его в угол вместе с этой девицей, это ещё не значит, что он во всём сознается. Ты моего свёкра не видела. Мама говорит, его и в ступе не поймаешь. Врёт и глазом не моргнёт — кажется, и сам верит в то, что говорит.

— Ань, может, ну его нафиг? Поедем в клуб, в караоке поорём, суши поедим. А? Ты же уже знаешь все ответы.

Сворачиваем к отелю. На парковке — знакомая машина. Гасим фары, чтобы не было видно номеров. Лидка паркуется подальше от Глеба.

Выхожу из машины. Ноги трясутся, руки не слушаются. Я иду своими руками доламывать семейную жизнь.

— Ещё есть время остановиться.

Выдыхаю и ускоряю шаг.

10

Аня

— Ещё раз здравствуйте, — девушка на ресепшене ухмыляется. Мне кажется, она смотрит на меня и видит мои рога.

— Я в номер к Осипову, — рычу на бегу. Не хочу терять ни секунды.

— Мы… Мы в номер к Глебу Осипову, — Лида стоит рядом и поддерживает меня под локоть.

— Посещение разрешено до двадцати трёх ноль-ноль. Если решите остаться дольше, нужно будет оплатить ночёвку.

— Думаю, мы за десять минут справимся, — бросаю я, уже подбегая к лифту.

Смотрю на себя в зеркало лифта: лицо красное, уши красные — синьор Помидор, не иначе.

Подхожу к номеру. Кажется, у меня сейчас будет сердечный приступ.

Стучать или вломиться и застать всех врасплох?

Аккуратно нажимаю на дверную ручку и толкаю. Заперто. Аня, хватит тянуть кота за хвост. Стучу и отхожу от двери так, чтобы меня не было видно в глазок.

— Ты уже вернулся? Запудрил мозги своей клуше? — Дверь открывается. На пороге «горничная», правда, уже в халате.

— Очень недобрый вечер, — говорю я, отталкиваю её и врываюсь в номер.

На кровати никого, в номере пусто. Может, Глеб успел спрятаться в душе или в шкафу? Опускаю глаза: в мусорном ведре лежат мои ландыши.

— Где Глеб? Я знаю, что он здесь, — шиплю. Не могу орать или устраивать концерт. Как же всё это мерзко. Если устрою скандал, завтра в утренней прессе появятся заголовки: «Две девицы не поделили одного мужика» или «Горничная и училка Глеба Осипова».

— Да, присаживайся. И подружку зови. Собирались мне космы повыдирать? Так я ни при чём. Просто провожу вечер, как умею. Одна, — выделяет она последнее слово.

Лидка подходит к двери ванной.

— Глеб, если ты там, советую чем-нибудь прикрыться.

Она дёргает за ручку. Дверь легко открывается — внутри никого.

— Трудно найти чёрную кошку в тёмной комнате, особенно если её там нет, — говорит девица и моргает своими коровьими глазами.

Что? Какой смысл в этой фразе?

— Где мой муж?

— Понятия не имею. Ещё раз повторяю: я здесь одна и планировала быть одна. Никакого чужого мужа здесь никогда не было.

В кармане звонит телефон. Глеб лёгок на помине.

— Аня, что ты делаешь в отеле? — Голос спокойный, с лёгким металлическим оттенком.

— Глеб, сукин ты сын, выходи! Где ты спрятался?

— И в мыслях не было. Я сижу в машине и жду, когда охрана вас с Лидкой повяжет за вторжение в чужой номер. Стойте на месте, я сейчас приду.

К горлу подкатывает тошнота. Я понимаю, что Глеб меня одурачил. Всем нутром чувствую, что он врёт, но даже себе не могу доказать это и предъявить улики.

— Аня, что это за выходка? — спрашивает Глеб. Голос холодный, на лице — брезгливость и непонимание. — У тебя мания развилась? Ах, теперь я понимаю, откуда ноги растут. Лидия, как же без вас? Свою семью потеряла, теперь решила покуситься на счастье подруги? — Он хлопает в ладоши. — Достойный поступок лучшей подруги!

Девушка из кожи вон лезет, чтобы перетянуть внимание на себя.

— Может, вы всё-таки зайдёте, познакомимся, выпьем? Раз уж судьба сталкивает нас не в первый раз, — улыбается «горничная».

— Нам пора. Ты не хочешь извиниться перед девушкой? — Глеб смотрит на меня, в его глазах — молнии.

— Не хочу, — выдёргиваю руку и иду к лифту.

Глеб идёт за мной, что-то причитает — мол, я сошла с ума.

Спускаемся на парковку.

— Аня, ты в своём уме? Ты адекватно оцениваешь свой поступок? — отчитывает он меня, как школьницу.

— Ты лучше расскажи, что здесь делал. Шёл к своей девке, а я тебя опередила? — шиплю ему в лицо.

— Я разыграл спектакль по вашим правилам. У тебя на телефоне стоит отслеживание, помнишь? Мы установили его, когда у тебя пары были почти до ночи, а я был в командировке. Чтобы не переживать, я мог посмотреть, где ты, и понять, почему ты не отвечаешь на звонки. Так и сейчас: ты мне врёшь, — слово «врёшь» он выделяет голосом, — что поехала к маме, а я вижу, что ты где-то возле дома. Потом я поехал в магазин, а вы за мной. Вот и решил вас проучить. Гадко и мерзко. Садись в машину, — он подталкивает меня к автомобилю.

— Глеб, ты же сам знаешь, что у тебя рыло в пуху, — вмешивается Лида.

— Рот закрой и займись своей семьёй.

Глеб блокирует двери и заводит мотор.

11

Глеб

Нужно освободить следующую неделю, чтобы провести её с Анькой. У неё сейчас наверняка целый ворох подозрений, а подружки ещё и дерьма в голову подложат — мол, как уйти от мужа.

По привычке проверяю, где сейчас моя женушка. Должна быть у мамы.

Хорошо, что Анька — девушка неподозрительная, доверяет мне больше, чем себе. Все пин-коды у меня есть, пароли тоже.

Включаю пеленгатор. Сейчас проверю, где жена, а потом — во все тяжкие.

На карте Анька определяется совсем близко: не у тёщи, а сидит в засаде возле дома. Я сейчас её проучу, чтобы и мысли не было обвести меня вокруг пальца.

Сажусь в машину и еду к гостинице. Паркуюсь и гашу свет.

«Котик, ну ты где?»

Сообщение светится на экране телефона. Танька совсем не может себя занять — требует моего внимания.

«Хватит мне писать. Сам позвоню».

Пора ставить её на место, наглость уже из ушей лезет. Не люблю, когда девушка слишком настойчива. Инициатива —

мужское дело, а женское — подчинение.

Сообщение прочитано, но ответа нет. Хорошо, сразу поняла своё место.

Подъезжает машина Лидки — ещё одна излишне инициативная баба.

К моей машине они не подходят, бегут скорее выяснять отношения. Смотрю, как Анька на каблуках спешит, подворачивает ноги, но не сдаётся. До чего же ей хочется уличить меня в измене. Интересно, охрана выгонит жену с подругой или приедет полиция и мне придётся вызволять их из участка?

Иду следом. На ресепшене девчонка уже ржёт. Надо поставить точку в этом шапито, ещё не хватало, чтобы потом моё имя полоскали.

— Где Глеб? — шипит Анька. В голосе раздражение, но на крик она не срывается.

— Понятия не имею, — бросает Танька. Сейчас она в более выигрышном положении.

Подхожу ближе, но на меня никто не обращает внимания.

— Что тут происходит? Ань, ниже падать уже некуда? Ты не хочешь извиниться перед девушкой?

Ни мне, ни Таньке извинения не нужны. Но Аньку тоже нужно поставить на место. С овчаркой так же: пока не покажешь ей, кто хозяин, тупорылый щенок творит что хочет.

— Нет, — отвечает она, разворачивается и уходит.

Жду, когда за ней побежит её верный пёс — Лидка. Иду

следом.

— Снова скажешь, что это случайность? — Жена психует, но старается держать себя в руках.

Толкаю её к машине: терпеть не могу все эти скандалы.

— Я никуда с тобой не поеду!

— А у тебя я забыл спросить, — говорю, открывая дверь, и пропихиваю Аньку на сиденье. Лидка что-то пытается сказать, но и её заткнуть — минутное дело.

— Как-то много совпадений, тебе не кажется? Сначала она «случайно» врывается в наш номер, потом я снова нахожу её там. Твоя новая баба дважды назвала меня клушей, — говорит Анька, глядя на меня глазами, полными слёз. — А ещё она знает твоё имя.

— Обидно, понимаю, — отвечаю, глядя на дорогу.

— Глеб, останови! — Впервые в жизни повышает на меня голос.

— Аня, — наклоняюсь к ней, чтобы она ощутила моё дыхание. — Хватит!

— Я же тебя так любила! Ты был моим светом в окне, — вся дрожит, будто сильно замёрзла.

— На заднем сиденье плед и кроссовки. Переобуйся. Тебе не кажется, что бегать на ходулях небезопасно?

Анька снимает туфли и едет босиком. Для неё это маленький бунт, а для меня — поступок взбалмошного ребёнка.

Ничего, ей давно пора взрослеть.

— Отвези меня к маме, — просит она, глядя в окно.

— Ты ночуешь дома!

Всю оставшуюся дорогу Анька не проронила ни слова. Смотрела в сумерки куда-то за окном.

Смотрю на неё: красивая у меня жена. Ей очень идут лёгкие страдания, добавляют шарма, что ли. Из взбалмошной девицы она превращается в королеву драмы.

— Тебе кофе взять? — спрашиваю, остановившись на перекрёстке.

— Не хочу, — отвечает, глядя в пустоту.

Началось вот это: «Дорогой, угадай, чего я сейчас хочу». На всякий случай забираю ключи и блокирую двери сигнализацией. А то придумает себе ещё что-нибудь, и мне придётся гоняться за ней по всему району.

Беру в кофейне кофе и какао навынос, два роскошных бутерброда.

— У тебя телефон светился, какая-то Татьяна пишет, — Анька смотрит мне в глаза, ждёт какой-то реакции.

— Это вторая секретарша, помощница Марты, — снимаю телефон с приборной панели.

«Глеб Михайлович, я на сегодня свободна?»

Красотка, сейчас отлично отыграла.

«Да, Татьяна, на сегодня всё.

А завтра будет видно, что и как».

— Надеюсь, у твоей помощницы хорошая зарплата. Зачем ей иначе тебя прикрывать? — Анька всё пытается меня на чём-то поймать. — Зачем ты со мной нянчишься, если со-

всем меня не любишь и ни во что не ставишь? Да, у меня меньше житейского опыта, и я привыкла доверять людям. Но это разве повод вытирать об меня ноги? — Она берёт стакан с шоколадным напитком и ставит его в подстаканник.

— Анют, это твоя излишне умная голова придумывает разные сценарии, и все они какие-то неблагонадёжные. Если забыть про сегодняшний день, у тебя и вчера были подозрения, что у меня кто-то есть? Ты в чём-то была обделена? Я пропадал, не отвечал на твои звонки? — говорю уверенно. Знаю, что за мной нет греха в эту сторону. Безобидное хобби никак не отражается на жене — разве что сегодня всё обернулось крахом.

— Я не знаю. У меня никогда не было цели найти у тебя любовницу.

— Ну вот и отлично. Продолжай в том же духе. Ты у меня такая красотка, такая умница. Зачем тебе в голову лезут эти жуткие мысли? Давай, заканчивай плач Ярославны, забудь про сегодняшний день. Завтра отметим годовщину. Нас твоя мама на званый ужин по этому поводу позвала, моя мама тоже приглашена.

Анька угукает, и это мне не нравится. Если бы она сейчас разрыдалась, устроила истерику — было бы проще. Поорала, выплеснула эмоции, а потом — шикарный секс.

Но Анька у меня другая — недотрога, ледяная королева. Ещё в начале нашего знакомства я понял, что она не такая, как остальные. У неё был парень больше года, а она его му-

рыжила и так и не легла с ним в постель. Хотела одного мужчину — и навсегда. Я её за это и выбрал: она была другая.

Друг привёл меня в их компанию после «Студенческой весны» — хотел найти мне подругу. Ещё на пороге «чайки» начали слетаться, как только поняли, что с меня есть что взять. И глазками стреляли, и рук случайно касались, и шутили — неумело и пошло. Одной Аньке было по барабану на мой статус.

— А ты помнишь наш первый поцелуй? — улыбаюсь я своим мыслям.

Снова угукает.

— Я его буквально вырвал. Ты так стеснялась, краснела, была неловкой.

— Такой и осталась. Тебе со мной так плохо, что ты ищешь себе другую? Я сразу понимала, что ты не из тех, кто будет что-то терпеть. Твой личный комфорт всегда был главным в нашей семье.

— Если ты забыла, то ты живёшь с мужчиной. С мужчиной! — завожусь я, начинаю шипеть. На шее выпирает вена, я чувствую, как она пульсирует. — От моего эмоционального и физического состояния зависит, сколько денег будет поступать на счета. Если ты не помнишь, твой кружок по интересам денег в копилку не приносит. Пока только расходы: патент оплати, парты купи, пособия. Я хоть раз тебе отказал? Нет. Всё для тебя.

Анька поворачивается и смотрит мне в глаза. Какая-то

мысль у неё крутится, но она никак не решится её озвучить.

— Я тебе правда очень благодарна. У тебя же есть смета. Я возьму кредит, всё отдам.

— Аня, — наклоняюсь к ней. В её глазах отражаются мои вспышки гнева. — Мне от тебя и копейки не надо. Ты любишь Англию и Шекспира — вот и занимайся.

— Да, а у тебя другие слабости… Горничные.

— Угу, видишь, я тоже не идеальный, — отвечаю таким тоном, чтобы дать понять: устал от всего этого бреда. Диалог на эту тему можно считать оконченным.

Подъезжаем к дому. Подаю Аньке руку, представляя, как у неё горят ноги после каблуков.

— Осипов, как в тебе всё это уживается? Сейчас ты внимательный и обходительный, а полчаса назад вытер об меня ноги.

— Всё у тебя в голове, — подхожу к Аньке поближе, чтобы чувствовать её дыхание. Она делает два шага назад и упирается в стену. — Хотела от меня сбежать, а не вышло.

Беру её за запястья.

— Глеб, убери руки. После твоих прикосновений хочется идти в душ и тереться мочалкой всю ночь.

— Да? И давно ли? — шепчу ей на ухо, не давая оттолкнуть себя. — А я-то думаю: то моя жена до ночи лекции слушает, то домашки какие-то делает, то тексты переводит. А может, ты специально тянешь время, чтобы я уснул? Так я тебя сейчас разбужу, — впиваюсь в её губы.

— Глеб! — Она отталкивает меня. Я отстраняюсь. — Вся моя учёба была согласована с тобой. Я перед каждым курсом спрашивала, не помешает ли он, есть ли на него деньги.

— Для тебя всё есть. Я хотел, чтобы ты была счастлива. И сегодня напомню тебе, каково это.

12

Аня

Слёзы высохли не только на глазах, но и внутри. Захожу в душ, закрываю дверь на защёлку, а потом запираю и саму душевую. Кто знает, чего ещё ждать от Глеба.

Ему нужна тихая и спокойная жена — он её получит. А потом ударю, когда он потеряет бдительность. Силой тут не возьмёшь: накроет такой ответной волной, что ничего уже не захочешь.

Из душа выхожу одетой и быстро проскальзываю в кабинет.

— Я так понимаю, ужина я сегодня не дождусь? — Глеб выдыхает и выпрямляется во весь рост.

— Я сейчас эмоционально выжата как лимон, — говорю спокойно, без заискивания и улыбок. Пусть думает, что ему удалось меня подавить. — Я останусь спать в зале.

Глеб идёт к холодильнику. Продуктов полно, но готовить нужно. По идее, я сейчас должна кинуться стряпать ужин из десяти блюд, но я пас.

Плетусь в зал. Я и правда на нуле. Сейчас лучше всего — спрятаться под одеялом и ждать, когда этот мир слетит с орбиты.

Глеб уходит в спальню. Через десять минут на всю квартиру разносится его храп.

Иду в свой кабинетик — мою маленькую «Англию». Достаю коробку со старыми телефонами: там должна быть запасная трубка и номер, о котором Глеб не знает. Выбираю один телефон. Ему лет семь — вряд ли на нём что-то установлено.

Складываю его в рюкзак.

«Ты как?» — пишет Лида.

«Терпимо. Завтра позвоню. Думаю, мне понадобится твоя помощь. Нужно подготовить логово».

Как только сообщение прочитано, сразу его удаляю. Хватит быть дурой.

Ноги ноют, пятки натёрты. Смотрю на эти мокнущие ранки — так жалко себя. Впервые в жизни.

Так, Ань, хватит себя накручивать. Всё уже случилось. Успокаивайся, береги силы, будем искать выход.

Сажусь за старый ноутбук. Его тоже нужно реанимировать, а то неизвестно, что может быть установлено на новом.

Файлов на рабочем столе почти нет: два гороскопа на совместимость. Я составляла их, когда мы с Глебом только-только начали встречаться. Открываю. Смешно думать, что я могла в это верить. По мнению интернетовской «бабы Ванги», наши отношения должны были быть такими: «то шторм, то штиль, то пороховая бочка».

Второй файл — картинка с мальчиком и девочкой, нашими предполагаемыми детьми. Их нарисовало какое-то приложение. Синеглазый мальчик, кареглазая девочка — на нас

не похожи. Но мне всё равно больно смотреть на этот рисунок. Теперь таким малышам не суждено родиться. Не хочу трепать себе нервы, закрываю ноутбук.

Ложусь на диван. Не хочется его раскладывать: аккуратно раздвинуть не получится, а если грохнуть — можно разбудить Глеба. А не буди лихо, пока оно сладко спит и никого не трогает.

Не спится. В голове только один вопрос: кто виноват? Может, я и правда виновата? Глеб любит внимание, любит, чтобы вокруг него скакали с бубном. А я на каком-то этапе ушла в науку. Пока писала диплом, заказывала продукты и еду из кафе. Но разве из-за этого изменяют?

Утром застаю Глеба на кухне.

— Доброе утро. Я сегодня отменил все дела. В три едем к твоей маме в гости. Надо купить гостинцы: тортик, цветочки, клубнику.

От слова «клубника» меня передёргивает: оно мгновенно возвращает меня во вчерашний день.

— Может, вы без меня? Не боишься, что я расскажу мамам о твоих сексуальных подвигах?

— Только факты, без домыслов и оценок. И послушай, что скажут мудрые тётки.

А это мы ещё посмотрим.

Глеб собирается. Специально заходит на кухню с рубашкой в руках и начинает надевать её при мне. В прошлой жизни я бы оценила и подумала, какой классный мужчина мне

достался. В начале нашей семейной жизни я любила бывать с ним в людных местах. Мне было приятно, когда женщины обращали на него внимание: подмигивали ему, пытались невзначай познакомиться. Тогда у меня было мало мозгов, и я не понимала, чем всё это может обернуться.

Глеб, как всегда, одет с иголочки. Пора и мне привести себя в порядок. Надеваю красивый сарафан и туфли на вчерашние мозоли. Больно, но сегодня игра стоит свеч. Делаю укладку.

— Какая у меня красивая жена, — говорит муж и собирается шлёпнуть меня по ягодице, но я разворачиваюсь и перехватываю его руку. — Может, нам не нужны эти старушечьи посиделки?

— Ты ещё хотел купить торт и цветы.

Выхожу из квартиры первой. Подхожу к машине Глеба.

Пишу Лиде:

«В шесть подъедь к дому моей мамы».

В ответ получаю короткое «ОК». Снова всё удаляю. Теперь в телефоне никаких следов.

— Так, сейчас заедем за цветами, — Глеб поправляет пиджак. Да уж, даже у идеального мужчины бывает червоточина.

Он включает музыку, едет, пританцовывая. Я погружаюсь в работу: принимаю новые заявки в группу английского языка, проверяю присланные тесты.

— Аня, убери свой английский. У нас сегодня выходной

от работы.

Прячу телефон. Конечно, прости, милый, что перестала тобой восхищаться.

— Я сейчас, — говорит Глеб и выскакивает в цветочный магазин.

Когда-то мы были там постоянными клиентами. В первый год брака он часто дарил мне цветы, дома стояли потрясающе красивые букеты. Муж был щедрым, может, не очень покладистым. Тактильным — только когда ему самому хотелось.

Глеб возвращается, теперь он похож на цветочное облако.

— Это букет для одной мамы, этот — для другой. А это тебе, — протягивает мне нежный букет: ландыши, мини-пионы и цветы, похожие на маргаритки.

Беру его в руки. Кажется, меня тошнит от ландышей. На них появилась аллергия, как и на клубнику.

Глеб тянется поцеловать меня в щёку, но я успеваю немного отклониться. Вижу, как он злится, но держит себя в руках, чтобы не сорваться.

Заезжаем за тортом.

Берём самый дорогой. Приезжаем к маме. Судя по спорам, доносящимся из квартиры, застолье сватов началось давно.

— О, дети наши приехали! — Мама всплёскивает руками и бежит к нам. — Глеб, я для тебя холодец, твой любимый, сварила. Ну какой же красивый, какой статный! Том, а какие

он нам цветы привёз!

А меня как будто рядом и нет. Конечно, я её холодцу не обрадуюсь — вообще не ем блюда странной консистенции.

— И тебе привет, мама, — перетягиваю на себя внимание.

— Доченька, ну какая вы пара!

Да-да, пускать пыль в глаза мы умеем.

— Анна, — произносит Елена Валерьевна, мать Глеба. Улыбка сползает с её лица. Она поворачивается к маме: — Тома, ну вот, благодаря Глебу и твоя дочь расцвела. Вспомни, она же была похожа на плюгавого цыплёнка. Когда они познакомились, я сначала подумала, что мой сын сошёл с ума. С его-то внешностью выбрал такую серость. А сейчас!

— Мама, — осаживает её Глеб. — Аня всегда выглядела прекрасно. Предлагаю закончить этот разговор.

Ух, Осипов отыгрывает роль хорошего супруга. Конечно, унижать и обижать меня — только его прерогатива.

— Хватит толкаться у порога, дети, идите к нам, — зовёт папа. По голосу слышно, что он уже хорошо выпил.

Заходим на кухню. Стол раздвинут — будто сегодня Новый год. Еды на неделю.

— Дочка, ты прекрасно выглядишь, — почти шёпотом говорит мама.

Вся в бабушку: она могла вознести на пьедестал человека, от которого зависела или получала выгоду, и тут же унизить хорошего человека, чтобы первому было приятно. Сложно было возразить моей свекрови. Конечно, она больше не возь-

мёт маму на дачу, не поможет купить путёвку подешевле. А я, как всегда, никто. Должна проглотить обиду, но не проглочу — она уже из горла торчит.

— Вы когда нам внуков подарите? — Папа размахивает руками.

Никогда. Но для них это пока секрет.

Мужчинам быстро надоедает сидеть с нами за столом. Они уходят в зал, прихватив тарелку с нарезкой и початую бутылку.

— У меня для вас новость, — говорю я, глядя на мам. — Ваш прекрасный Глеб завёл любовницу!

Жду реакции.

— Тоже мне событие, милая, — говорит свекровь, как с умалишённой. — У любого презентабельного мужчины должна быть любовница. Это часть имиджа. Я со счёта сбилась, сколько их было у Михаила. И где они теперь? А я, прошу заметить, всё ещё рядом с мужем.

Елена Валерьевна и Михаил Николаевич — странная пара. Она перед ним пресмыкается и даже наедине называет его по имени-отчеству.

Что? Перевожу взгляд на маму. Она сейчас между молотом и наковальней.

— Мам, а ты что скажешь?

13

Аня

Смотрю на маму, жду. Она делает вид, что очень занята. Вообще, она у меня многозадачная: всегда могла одновременно делать несколько дел. А тут эта способность куда-то пропала.

— Мам?

— Ну что, мам? — недовольно смотрит на меня, будто я загнала её в угол и, чтобы сбежать, ей как минимум нужно отгрызть себе лапу. — Я бы поразмышляла, чего мужчине не хватает, раз он заглядывается на сторону.

Вот это поворот. Снова я виновата: недостаточно хорошая жена, недостаточно хорошая дочь.

— М-м-м… — только и вырывается у меня.

— А как ты думала? — Свекровь становится похожа на Шапокляк. — Я своей карьерой пожертвовала, всё положила на семейный алтарь. А когда Глебушка родился, я ни разу не подошла к Михаилу Николаевичу с претензиями: мол, он ночами спит, а я с вечно орущим ребёнком на руках. И всё равно муж иногда бегал по бабам. Чтобы освежиться, чтобы по мне соскучиться. Кто ж его ещё примет, вкусной едой накормит, без упрёков, с лаской и вниманием? Мудрости тебе, девонька, не хватает.

— Вот, Аня, ты Леночку слушай. Она точно знает, как с

Глебом общаться, — говорит мама. Вот это она меня удивила! За глаза она называет свекровь всезнайкой и куском мыла, который с лёгкостью куда угодно проскакивает.

— Это всё твоя учёба виновата, — свекровь входит во вкус. — Женщина не должна быть шибко умной.

— А Глеб говорит, что любит умных. Как мне разорваться?

Смотрю на маму и свекровь. Им чуть за шестьдесят, а рассуждают они так, будто родились при царе. Как женщине сейчас не работать, если завтра мужик свалит в закат? А я с чем останусь?

— Ты фильтруй, что он говорит. Это он, чтобы ты не злилась и не обижалась, пути к тебе ищет. А ты сразу нам жаловаться бежишь, — негодует Елена Валерьевна. Глаза выпучила, губы стали ещё больше, волосы на затылке вздыбились. Со стороны она напоминает уточку-мандаринку. — Вы помиритесь, а твоя мать так и будет думать, что Глеб — бабник.

Да уж, не на той платформе я ищу поддержки. Смотрю на этих прекрасных женщин, и от Глеба меня меньше воротит, чем от этого союза.

— Ну что, бабоньки, нашушукались? — Папа с улыбкой кота Леопольда вваливается в комнату. — А что это дочушка моя грустит?

Ага, мужики допили бутылку и заскучали.

— Всё хорошо, пап, просто устала.

Свекровь украдкой показывает мне большой палец.

— А давайте коттедж снимем, все вместе поедем и отдохнём, — предлагает Михаил Николаевич. Он, как павлин, заполняет собой всё пространство. Как же я не люблю слушать его подвыпившие речи! Сейчас начнёт учить жизни меня и моих родителей.

Проскальзываю мимо него в зал. Глеб с кем-то переписывается, на лице — едва заметная улыбка.

— Твоей телочке привет, — ухмыляюсь. Смотрю на часы: ещё полчаса терпеть этот абсурд. Надо как-то всех отвлечь и незаметно выскользнуть.

— Обязательно, — язвит Глеб. — Надеюсь, ты не стала развлекать мам своими домыслами?

— А почему нет? Я же главный шут в вашей компании.

Глеб подходит сзади и крепко обнимает. По телу бегут мурашки, но я гоню от себя все мысли. От него совсем не пахнет алкоголем. Значит, отцов споил, а сам, как всегда, не пил. Выходит, Глеб тоже в стрессе и ждёт от меня подлянки — смотрит на происходящее свысока, контролирует ситуацию.

— Какая же ты у меня ещё маленькая, веришь во всякую ерунду, — шепчет почти на ухо, скорее даже в висок. — Если бы мне нужно было от тебя уйти, я бы давно это сделал. Назови мне хоть пять причин, которые меня остановили бы. Твои родители не имеют никакого влияния ни на меня, ни на мой бизнес. Репутация у меня идеальная, противозаконных дел нет, чтобы ты могла меня шантажировать. Моё финансо-

вое положение позволяет при необходимости купить новое жильё — себе или выселить тебя.

Тут Глеб прав. Но тогда есть какая-то ерунда, из-за которой он готов выносить мне мозг и изменять с какой-то девицей, но не сближаться с ней. И слова про то, что он может выселить меня из дома, тоже надо запомнить…

— Пока ты женат, твоя девица может рассчитывать лишь на крохи твоего внимания. У тебя всегда найдётся причина от неё сбежать.

— Смешно. Сотни тысяч мужчин содержат по несколько семей, и каждая семья не знает о другой.

— Ну, тогда не знаю, — замолкаю и слежу за секундной стрелкой на часах.

— Я хочу, чтобы ты знала: если я сейчас с тобой, то это мой выбор. Выброси любую чушь из головы, — говорит он спокойным, низким голосом. — Каждый раз, возвращаясь домой, я выбираю тебя.

По спине снова бегут мурашки.

Нужно выйти из-под его влияния. Когда Глеб рядом, я не могу думать самостоятельно, принимать решения. Всё, что он говорит, звучит разумно и убедительно — и очень похоже на правду.

— Пойдём, — Глеб берёт меня за руку. Я сжимаю его кисть.

— Ну какая же красивая пара! — улыбается мама.

На кухне часы замерли на одном времени — уже года два

стоят, батарейка села. Телефон — в сумке.

— Сыночек, помоги мне, — мама машет Глебу. Ей нужно что-то достать с антресолей на балконе.

Глеб разжимает мою руку, поворачивается и смотрит мне в глаза, будто знает мой секрет.

— Помни: каждый раз я выбираю тебя, — почти шипит он.

Мама смеётся на весь дом. Глеб пробирается к ней на балкон, словно играет со стульями в тетрис. Вселенная, спасибо! У меня есть минута, чтобы осуществить свой план.

Бегу к двери, хватаю сумку. Она цепляется за угол, с грохотом что-то падает на пол. Не оборачиваясь, босиком сбегаю по лестнице. Сзади слышны шаги. Это Глеб бежит за мной?

Нажимаю на кнопку домофона, открываю дверь. Остался один рывок.

14

Кнопка домофона работает плохо. Выбегаю, сажусь к Лиде в машину. Не могу перевести дыхание, жду, что сейчас откроется вторая дверь и Глеб выволочет меня на улицу. Перебарываю страх, оборачиваюсь. Рядом с подъездом стоит подросток. Видимо, это он — «мой преследователь».

— По газам? — Подруга с интересом смотрит на меня.

— Нет, у меня вот… — Начинаю копаться в сумке, выворачивая её наизнанку, и вытаскиваю из-под подкладки несколько флешек. — Спрячь. Это записи с камер у входа. Мне нужно узнать, была ли эта девица или какая-то другая в нашей квартире. Я ночью их вытащила, пока Глеб не успел всё стереть.

Лидка прячет флешки в футляр для очков, потом — в рюкзак.

— А теперь поехали? Может, хоть из двора нужно выехать, а то Глеб сейчас как выскочит!

— До магазина. Куплю томатный сок, несколько бутылок минералки: папам завтра будет плохо. Не могу я так сбежать, я не преступница, ничего плохого не сделала. Я хочу выяснить отношения, собрать все факты и…

Про то, что собираюсь бросить эти факты в лицо Глебу и его группе поддержки, решаю умолчать.

— Когда ты прислала сообщение, я думала, уже в поли-

цию бежать, вдруг он тебя колотит.

— Глеб? Да ну, он никогда на меня руку не поднимал. Мы вернулись домой, как будто ничего и не было. Я даже рюкзак собрала, но что я на себе унесу — пару трусов? А учебники, книги? Больше половины ещё не перевезено в центр. Ну уйду я из дома — занятия по английскому тоже отменять? Ну нет, это дело всей моей жизни. И Глеб же знает, где меня найти. Я запуталась, так боюсь наломать дров.

— Давай я посмотрю видео и заскриню всё, что тебя беспокоит. За соком?

— Кстати, ты чего босиком?

— О, эти чертовы туфли превратили меня в Русалочку. Никакой обуви! — Немного подворачиваю ногу, показываю Лиде несчастную пятку.

— Тогда я в магазин, а ты в машине посиди. Придумай, что маме скажешь.

— Скажу, что о них заботилась.

— А у меня дачные тапки в багажнике. Хочешь? Они страшненькие, но для твоей ноги безопасные.

Подъезжаем к магазину. Лида достаёт мне шлёпки. Отлично! В них я и вернусь домой. И тогда не будет ощущения, что я бежала босиком.

Покупаю любимый сок Глеба — он пьёт томатный только одной фирмы, — папам по бутылке минералки, ещё всякого для мам.

Думай, Аня, думай, что ещё нужно, чтобы мама не поняла

подвоха. Эмоции — мой враг. Уже не в первый раз я что-то делаю на импульсе, а потом месяцами разгребаю последствия.

— Слушай, а у меня, кажется, есть подарок для отвода глаз, — показывает Лида на пассажирское сиденье. — Старые журналы по вязанию, хотела сдать в макулатуру. У нас пункт закрыли, вот и вожу с собой. Маме скажешь, что я привезла их ей. Вот ты так быстро и смылась.

— Лида, не голова, а дом советов!

Подъезжаем к подъезду. Пакет с продуктами — в одну руку, пачку журналов — в другую.

Умеешь ты, Аня, находить приключения на свою пятую точку.

— Подожди, я сейчас спущусь, — кричит Глеб с балкона. — Аня, ну куда ты всё это тащишь?

Останавливаюсь, подпирая дверь. Слышен лязг двери, затем шаги. Что сейчас будет…

— А что это за выходка была? — Глеб подходит вплотную. Вена на виске пульсирует, в глазах молнии. Кулаки сжаты так крепко, что, кажется, кожа на руках вот-вот лопнет.

— Хотела в Золушку поиграть. Думала, ты за мной кинешься, а я потеряю тапочек, — выставляю вперёд ногу в шлёпке. — И у нас всё будет как в сказке. Но «туфелька» не слетела, и принц не стал меня искать.

Муж брезгливо смотрит на мою обувь. Если бы не ситуация, я бы такую ни за что не надела.

— А если серьёзно?

— Позвонила Лида, она обещала маме журналы. Попросила, чтобы та спустилась. Я вам крикнула, что сейчас приду, но там папы уже начали петь про чёрного ворона. Вот журналы. А это гостинчик от белочки. Кому-то утром очень понадобится, — открываю пакет. — И тебе сок взяла.

Глеб ухмыляется, делает вид, что поверил. Забирает пакеты.

— А вот и наша беглянка, — свекровь обращает на меня внимание, но папы уже в таком состоянии, что я ничего не могу понять, а моя мама так наигранно смеётся, что больше ничего не слышно.

Ставлю пакет с минералкой на стол. Глеб кладёт журналы рядом.

Мама переводит на них взгляд, на лице появляется улыбка.

— Аннушка, а верхний журнал — это намёк?

Что? Самый верхний — «Вязание для детей. От пинеток до пледа». Блин, ну почему не «Сад и огород»?

— Я же нашей деточке столько всего навяжу! И пинеточки, и шапочки, и на колясочку накидочку, — мама пританцовывает.

Стоит напомнить ей, что за всю жизнь она связала моей кукле шарф, а моя кофта так и валяется в «долговязе» класса с седьмого, наверное.

Глеб смотрит на меня с интересом. Кажется, он никогда

так на меня не смотрел.

Ох, Лидка подставила меня. Да и самой надо было быть умнее. Нужно как-то выпутаться из этой ситуации.

— Это на будущее, — нелепо улыбаюсь. — Лида тебе журналы обещала, вот и привезла.

— Ой, не торопите, — папа прикладывает указательный палец к губам. — Это их личное. Раньше женщина уже с пузом ходит, а всё скрывает. А сейчас! Процесс зачатия час назад произошёл, а уже весь мир знает. Молчим, чтобы ничего не сглазить.

Все быстро переключаются с меня на застолье.

Хватаю стопку журналов и уношу в зал. Развязываю пачку и убираю первый журнал. Теперь сверху — «Носки и гетры».

Глеб подходит сзади.

— Ты мне ничего сказать не хочешь? — Аккуратно берёт меня за руку, целует в ладонь.

— Это недоразумение.

— А я уже подумал: непорочное зачатие. Или измена.

— Ещё скажи, что ты отслеживаешь мои женские дни, — недовольно ворчу.

— Конечно. Ты же знаешь, у меня всё всегда под контролем — и дома, и на работе. А родителей зачем в неведении оставила? — Кажется, он надо мной издевается.

— Да кому там сейчас объяснять? Отцы пьянее водки.

— А ты попробуй. Извернись, ухитрись, из штанов выпрыгни, чтобы тебе поверили, — шипит он мне на ухо. —

Вчера я был в такой ситуации, когда любое объяснение — по барабану.

Согласно киваю — мол, прости, была дурой, всё осознала.

— Или у нас есть альтернативный вариант. Мы им сейчас и займёмся, — Глеб щёлкает дверной ручкой. — Нам давно пора завести ребёнка.

15

Глеб

Ненавижу родственные посиделки, когда нужно смеяться над чужими не очень умными шутками и поддерживать маму в любой её бредовой идее. Я бы сегодня вообще никого не хотел видеть, но Аньку нужно было поставить на место. Уверен, она ждала, когда я уйду на работу, чтобы провернуть свои грязные делишки: сбежать к Лидке или ещё к какой-нибудь подруге.

Анька знает, что работа для меня едва ли не на первом месте, а иногда — и на первом, и на втором. Чтобы обеспечить себе нужный уровень жизни, нужно не сопли на кулак наматывать, а работать. Несмотря на статус и обеспеченность родителей, я всего добился сам и терять это не собираюсь.

Теперь стою как дурак на тёщиной кухне и пытаюсь понять, чего хочет от меня Анькина мать.

— Глебушка, достань хреновушку, которая с огоньком, — тычет ярко накрашенным ногтем куда-то на верхнюю полку на балконе. — Она под беленькую хорошо идёт.

Почему в комплекте с приличной девочкой всегда идёт полоумная и инфантильная мать? В день нашего с Аней знакомства — это было уже почти перед свадьбой — тёща сама чуть мне на колени не залезла. «Старая лошадь борозды не портит».

— Зачем вам сейчас эта хреновушка сдалась? — Плетусь на балкон. Уже вижу Лидкину машину, значит, эти стервы что-то замышляют. Анька меня знает: шаг влево, шаг вправо — закрою к чертям её языковой центр. И дело с концом.

На кухне начинается хреновое караоке. Отцы, когда подопьют, всегда начинают горланить песни — кто в лес, кто по дрова.

Что-то падает на кухне, кажется, хлопает входная дверь. Но разве в этом балагане поймёшь?

— Глебушка, может, смородинки домой возьмёте? — Тёща из кожи вон лезет, чтобы быть полезной.

— Ничего не надо, — пытаюсь выбраться из этого лабиринта ненужных вещей.

Первое, что бросается в глаза, — Аньки нет.

Может, она ждёт, что я брошусь за ней? Странный поступок после стольких лет вместе. Если через час не вернётся, я перекрою ей весь кислород. Прекратятся все мои финансовые вливания, автоматически заблокируется карта, с которой Анька тратит сколько нужно. И сим-карта тоже, даже аккаунт в сервисе доставки еды. Она знает, что со мной шутки плохи, поэтому я вдвойне не понимаю её поступка.

— А твоя жена куда-то смылась? — шипит мать. Большую часть я читаю по губам: почти ничего не слышно.

— Придёт. Ты же знаешь: от меня женщины никогда не уходят.

Уверен, для мамы исчезновение Анны было бы лучшим

подарком на все праздники. «Серая, безликая, обычная заумная девица. Такой место только в архиве или библиотеке». Сначала она пыталась на меня надавить, но мне даже делать ничего не пришлось: папа быстро поставил маму на место.

До Аньки я пробовал жить с несколькими женщинами — не одновременно. Анжелика была просто девушкой с обложки: очень красивая, все мужики в компании пускали слюни, когда её видели. Но был изъян: при зачатии забыли доложить мозг. Как рот откроет — так караул. После того как она услышала про «Мерлезонский балет», а потом искала на него билеты и даже купила, я не смог с ней больше жить. Понял, что общественное мнение — это хорошо, но жить с такой «интеллектуальной» инвалидкой мне невыносимо.

Мать сверлит меня взглядом, ждёт, что я взорвусь и побегу искать жену? Как же плохо она меня знает. После того как в пятнадцать лет я окончательно вышел из-под её влияния, мы стали общаться минимально.

Телефон в кармане вибрирует.

— Глебушка, — тёща снова вспоминает о моём существовании. — А телефон рядом с мотней вредно носить — стоять не будет.

Потом — эти мерзкие смешки. Папы, конечно, реагируют на слово «стоять», и начинаются истории из жизни.

Татьяна пишет:

«Глеб Михайлович, когда нам с вами запланировать переговорную?»

Вот молодец, быстро схватывает, как надо плести интрижку.

«На завтра, часов на семь».

В такой обстановке слова тёщи недалеки от истины: треплют мне все нервы. Надо снять стресс, зарядиться новой энергией. Кто-то перед серьёзным рывком летает на Гоа или в Таиланд, кто-то часами сидит в позе хрен пойми кого или курит всякую дрянь. А мне нужен отличный секс.

Уже представляю, как завтра приедем с Танькой в приличный отель и зависнем там часа на три. У меня как раз завтра в домашнем расписании отмечен день переговоров. Вот и проведу его на полную катушку.

Лидкина машина снова появляется во дворе. Выходит Анька — с пакетом и каким-то хламом. Господи, только бы она не пошла в мать с её «хреновинками».

— Не тяжело? Постой, я сейчас спущусь! — ору с балкона. А сам думаю: придушу сучку прямо у входной двери.

Спускаюсь, Анька идёт навстречу.

— Это что за выходка? — хватаю её за запястье. Вижу, что ей некомфортно, но она молчит.

— За минералкой ездила, — открывает пакет. И правда: минералка и томатный сок.

— Ты когда в последний раз-то была в супермаркете? Доставка всё привозит. Сюда не могла заказать?

От злости во рту появляется металлический привкус.

— Лидка передала маме журналы. Мама на пенсии ханд-

рит, вот пусть теперь развлекается, — говорит несмело, не поднимая глаз. Врать совсем не умеет.

Да и тёща с хандрой в одном приложении никак не сходятся.

Забираю пакет и пачку макулатуры, пропускаю Аньку вперёд. Смотрю на неё сзади. А хороша у меня жена.

— Вернулась, — говорит мать. Если бы могла броситься Аньке в лицо, сделала бы это без промедления.

Тёща наигранно и фальшиво смеётся, перетягивая на себя внимание. Интересно, Анька рассказала им о своих подозрениях? Её, наверное, обе мамаши раскатали бы за то, что она могла обо мне такое подумать.

— Ой, а что это у нас за журнал такой? — Тёща снова «вся в гротеске», только фанфар не хватает. — У нас скоро маленький Осипов будет? Наследничек?

Надоел этот балаган. Пора закругляться и ехать домой.

— Глеб, может, вы с нами за стол нормально сядете, расскажете, как у вас дела? — Мама всё пытается вытянуть из меня какую-то информацию.

— Вы ещё холодечик не ели! — Тёща скачет к холодильнику. — А деды наши и не слышат. Внуки скоро будут!

— Молчать! — Тесть косит глаза и подносит указательный палец к губам. — Цыц! Грех такое обсуждать!

Хорошо, хоть он умеет отвлечь от тёщиных кулинарных изысков.

Анька краснеет. Да уж, милая, вот так ситуацию от боль-

шого ума создала. Выпутывайся.

Она берёт стопку журналов и быстро уходит в зал.

Иду следом, закрываю спиной выход.

— А у нас что, непорочное зачатие было? — нависаю над ней. Знаю, что не посмеет врать. — У меня отмечены твои женские дни и наш секс. Никаких намёков на беременность быть не должно.

Привычка вести отчёты, расчёты и списки — рабочая необходимость, которая плавно перетекает в обычную жизнь.

— Это случайность с журналом. Никакого ребёнка нет. У меня, во всяком случае, — шипит в ответ, намекая, что я мог завести потомство на стороне?

— А давай мы сейчас всё исправим, — закрываю за собой дверь и направляюсь к Аньке.

Она отступает и упирается в трюмо.

— Глеб, а если родители зайдут?

— Ну, мы же взрослые люди. Они должны понимать, что секс — часть нашей жизни, — начинаю расстёгивать её платье.

— Не надо, пожалуйста, — пытается сбросить с себя мои руки. — Давай всё дома.

— Собирайся, сейчас поедем, — открываю дверь и иду за ключами.

16

Аня

— Спасибо за гостеприимство, нам пора домой, — Глеб улыбается родителям и держит меня за руку.

— Минуту, я вам сейчас соберу домой пакет вкусного. Кому я всё это готовила? — Мама вскакивает из-за стола и суетится у холодильника.

— Ничего нам не надо, — резко, как-то жёстко отвечает муж. Мне и так из-за всей этой ситуации не по себе, а тут он ещё добавляет масла в огонь.

Мама в секунду сникает, её руки опускаются.

— Глеб, — дёргаю его за руку. — Мам, я всё возьму.

Забираю два пакета с контейнерами. Накормить — одно из проявлений маминой любви, и я не могу от неё отказываться, пусть даже в такой форме.

А какие у меня проявления любви?

Когда мы с Глебом только начали встречаться, я могла после учёбы встать в пять утра и приготовить блины, немыслимые запеканки. Потом ждала его с работы — тоже с полным столом, подбирала фильмы на вечер. А ещё много читала Глебу вслух. Сейчас даже странно представить: я читаю ему, например, «Онегина». Не знаю, нравилось ли ему проводить со мной время. Я уже ни в чём не уверена.

Идём к машине.

Интересно, у всех пар после нескольких лет совместной жизни отношения выходят на новый уровень — и он ниже, чем был раньше?

Ещё в прошлые выходные я обожала мужа, он во многом казался мне идеальным, а сейчас я будто заледенела. Всё внутри замёрзло.

Если бы кто-то спросил, как сейчас выглядит моя любовь, я бы сказала: как чёрный кусок льда. В нём что-то заморожено, но я даже не могу представить, что оно оттает.

Глеб открывает мне пассажирскую дверь. Я ставлю туфли на коврик и сажусь. Муж снова переводит взгляд на ужасные огородные шлёпки.

— А поприличнее ничего нет? — спрашивает он с брезгливостью.

— Пока нет.

Глеб садится за руль.

— Не дай бог в шестьдесят быть такими, как наши родители, — говорит он, поворачивая ключ зажигания.

— Почему?

— Ань, ты правда хочешь варить «холодечик» и «хреновушку»?

— Хочу. Для любимого мужчины, для детей. Не спать ночами, бегать к холодильнику и проверять, не вылезает ли тесто из миски. Очень хочу.

— Ну ладно.

Глеб кладёт руку мне на колено. Замираю, пытаясь по-

нять, что сейчас чувствую.

В сердце огромная льдина, она заморозила все чувства.

По идее, я должна ненавидеть Глеба, ненавидеть себя и его, но внутри пусто. Когда-то я думала, что предательство нельзя пережить, что страшнее может быть только смерть. Я так сильно любила Глеба, что, по идее, моё сердце должно было остановиться, разорваться на мелкие кусочки, когда эта едва одетая девица появилась в номере. Но я не умерла. Или умерла душой и ещё не поняла этого.

Всю дорогу мы не проронили ни слова. Солнце светит мне в лицо. Прикрываю глаза и вижу мелкие разноцветные лучики. Может, они меня согреют, но я ничего не чувствую.

Паркуемся у дома.

— Ань, давай сегодня проведём вечер вместе? Как раньше? — Глеб держит меня за запястье. — К тому же у нас с тобой сегодня планы на зачатие. Не отвертишься!

От мысли о близости всё тело сковывает. Кажется, оно кричит: «Не тронь!»

Пытаюсь угадать его настроение: ему и правда этого хочется или он делает это для отвода глаз? Как ему теперь верить?

Нельзя так жить дальше. Я с ума сойду, каждый раз думая, что и зачем делает Глеб. Остались ли у него ко мне чувства или всё — для отвода глаз?

— А получится, как раньше?

— Получится, — он психует, но сразу берёт себя в руки.

— Я сейчас решу пару рабочих вопросов и буду весь твой. Зайду в историю заказов, закажу еду — всё как обычно. Или хочется чего-нибудь новенького?

Нет уж, ничего новенького мне не хочется. Желание одно: лечь под огромное одеяло и согревать область сердца, пока льдина не растает.

— Давай без сюрпризов. И посмотрим «Маленьких женщин»?

Фильм выбираю не случайно: Глеб его ненавидит — мыльная опера для простушек. Но его реакция важна.

— Договорились.

Дома расходимся по своим делам. Глеб идёт в кабинет — прогуливать работу он не любит. Если его нет в офисе, то офис плавно переезжает к нам.

Дверь приоткрыта. Подхожу почти на цыпочках, прислушиваюсь. Гадко.

— Плиты и сваи привезли вовремя, — перечисляет поставки сиплый мужской голос.

— Вы все маркировки сверили? — Глеб закипает. — Это уже какой по счёту прокол на вашем счету?

Иду на кухню, надо распаковать мамины гостинцы.

Полуторалитровая банка рассольника — я люблю его с детства. Лоток холодца. Какой-то майонезный салат превратился в жижу и плавает в судочке.

Открываю холодец. Пахнет вкусно, но эта дрожащая консистенция… Выбросить? А мама старалась. Беру вилку и пы-

таюсь есть.

Звонит Лида. Надо переименовать её в телефоне, чтобы Глеба не раздражали наши разговоры.

— Ты там как? — В голосе беспокойство.

— Никак, давлюсь маминой кулинарией.

— Зачем?

— В смысле?

— Ну, давишься — зачем? — В голосе звучит недоумение.

— Ну, мама готовила, деньги тратила.

— Аня, ну прекрати. Ты у себя одна, чтобы из-за дурацкого салата переживать или ужасной котлеты. Смыла в унитаз и забыла. Ладно, приятного аппетита. Я тебе зачем звоню: на ускоренной перемотке посмотрела часть записи. Со стороны Глеба и какой-то девицы ничего не нашла. Или просто ещё не дошла до их появления.

— Значит, домой он её не приводил, — говорю я, будто огромный груз падает с плеч. Мой дом — моя крепость, и мне совсем не хочется, чтобы в моё отсутствие здесь кто-то шарился.

— Но… — Лида делает паузу.

— М-м-м?

— Твоя свекровь бывает у вас, когда никого нет дома.

— Зачем?

— Я записала таймкоды видео. Само видео перегоню в облако, чтобы у тебя всегда был доступ. Я ещё не всё просмот-

рела. Во-первых, ваши домашние и, возможно, очень личные дела мне не нужны. Во-вторых, конечно, интересно, но я не хочу, чтобы моя душа и сердце пострадали от желания сплетничать или, ещё хуже, кого-то осуждать. Самое интересное оставила тебе, — смеётся она.

Мычу в ответ. Ещё детектива мне не хватало. Мир, можно я снова окунусь в свои переводы? Быть Шерлоком Холмсом мне совсем не хочется.

Прощаюсь с Лидой. Поводов для размышлений стало ещё больше.

Курьер привозит еду. Нахожу фильм, двигаю диванчик. Всё как раньше.

Но уже всё по-другому.

Прохожу мимо кабинета. По крикам и спору понимаю, что «стрижка только началась». Оно и лучше: у меня будет время спокойно всё обдумать. Да и прикосновения Глеба сейчас для меня — предательство самой себя.

17

Глеб

Собирался всего на несколько часов засесть за работу, но совещание затянулось глубоко за полночь. Бесят дебилы на местах: почему так сложно нормально составлять сметы, принимать и сдавать документы?

— Глеб Михайлович, ну ничего же не случилось, — секретарь, которая снова забыла правильно свести графики, даже не собирается оправдываться. — Ну так получилось.

Достаю из портфеля свой органайзер. В нём вся моя жизнь.

Открываю страницу с важными рабочими встречами и показываю разворот в камеру.

— Вот так должен выглядеть ваш рабочий документ. Приведите все графики к единому стандарту. У вас на это два дня.

— Глеб Мих…

Не даю ей договорить.

— Вы меня услышали? Все ваши сопли и слюни мне сто лет не нужны. Если человек хочет работать, он открывает уши, включает мозги и делает так, как сказал руководитель. Надеюсь, вы меня услышали.

Настроение и так было не фонтан, а теперь закатилось под плинтус.

Сейчас ещё сеанс «Маленьких женщин» — кто вообще смотрит такую тягомотину? Но обещал, значит, надо сдержать слово.

Захожу в зал. В глаза бросаются электронные часы: начало второго ночи. Аня, конечно, меня не дождалась. Суши так и стоят нетронутые, а фильм давно закончился.

Когда ведёшь серьёзный бизнес, иногда приходится чем-то жертвовать.

Звоню секретарше. Она и так проштрафилась по всем фронтам.

— Марта, добрый вечер, — хотя мы виделись буквально десять минут назад. — У меня для вас задание. К семи утра мне на домашний адрес нужны ландыши.

— Но сейчас же ночь, — сонно блеет она. Курица, надо её заменить.

— У меня часы перед глазами. Я не время решил с вами обсудить, а дать задание. Примите к сведению.

И пусть только провалит это поручение — выгоню её, и дело с концом.

— Ань, пойдём спать.

Жена нехотя открывает глаза.

— Сейчас, ещё минутку.

Помогаю ей встать. Сонная, она еле идёт и заваливается на меня.

Ложится на кровать. Тихо сопит. Ну вот как можно так быстро заснуть? Значит, мой секс сегодня в пролёте.

Ещё в начале отношений я понял, что будить Аньку ради любовных утех — дело гиблое. Она открывает глаза и вроде отвечает невпопад, но тело на прикосновения не реагирует. А тыкаться просто так, без ответной реакции, я не люблю. С таким же успехом можно резиновую куклу завести.

Сна ни в одном глазу.

Иду в зал, открываю суши. Уже остыли. Пробую — съедобно, но не ахти.

Наливаю в бокал немного солодового напитка.

«Глеб Михайлович, ты чего не спишь?»

Приходит сообщение от Татьяны. Хм, теперь вечер пройдёт веселее.

«Сон что-то не идёт. Работы было много».

Мгновенный ответ:

«Может, моему котику нужна разрядка?»

Быстро отвечаю:

«А почему бы и нет».

Она присылает ссылку на технику шибари.

«Надеюсь, морские узлы ты умеешь вязать?»

Ох, Таня, что ты со мной делаешь? Кажется, сегодня я останусь без сна. Всё тело напрягается, в паху тяжесть. Ну и какой теперь сон?

«Приезжай».

Отправляю сообщение, не надеясь на какой-то результат.

«Домой в гости зовёшь?»

«Ну перестань. Мы с тобой сразу договорились: квартира

— вотчина жены, тебе сюда ни-ни. Могу предложить ближайшую гостиницу или заднее сиденье комфортабельной машины. Никакого тональника, помады и духов.

Не нужны мне следы и компромат».

Перезванивает по видеосвязи.

На ней красивое бельё, бюстгальтер едва прикрывает грудь.

— Котик, — шепчет она, и от её голоса вздрагивает всё тело. — Я не оставлю тебя наедине с твоей бедой. Ты же не подросток, чтобы прятаться в ванной и заниматься этим сам. Только ты не боишься, что захочешь продолжения и попросишь меня остаться навсегда?

— А это мы ещё посмотрим.

Вот же наивная девица. Сил нет. Конечно, она думает, что показала мне оголённую грудь, а я, как прыщавый подросток, поведусь и брошу весь мир к её ногам. Конечно, она этого ещё не заслужила. Чтобы получить хоть что-то, нужно постараться. Вот и посмотрим, на что она способна.

На такси по ночному городу можно из любой точки доехать минут за пятнадцать.

«Я у тебя во дворе. Вижу твою машину. Хочешь, сейчас весь двор проснётся?»

Вот сучка. Ненавижу, когда ходят по острию ножа.

Футболка и спортивки под рукой. На часах два. Аккуратно закрываю дверь, чтобы ни шороха. На лавке у соседнего подъезда сидит Таня.

— Прямо здесь, на виду у всех соседей, меня возьмёшь? — шепчет она возбуждающе.

— Зачем? Мы же не организовываем бесплатный показ фильмов для взрослых. Пойдём.

Садимся в машину и отъезжаем. У меня есть хороший гараж в элитном кооперативе. Ещё не хватало по посадкам разъезжать.

Пикаю пропуском на проходной, шлагбаум автоматически поднимается.

Заезжаем в гараж. Он двухуровневый: на первом этаже яма, на втором — стол, диван и телевизор. Можно отдохнуть от ремонта машины, хотя свою я никогда сам не ремонтировал. А теперь гараж и для другого пригодился.

— А ты подготовился, — говорит Таня и скидывает с себя «распашонку». Остаётся в белье, которое больше напоминает завязки и верёвки для того самого шибари.

По всему телу разливается возбуждающая пульсация, чувствую тёплые мягкие прикосновения и слышу сдавленные стоны.

Она опускается на колени, призывно облизывая губы.

Закрываю глаза. Её голова на уровне моего паха. Хватаю её за волосы, контролируя каждое движение.

Всё тело пронзает великолепная дрожь. Но мне этого мало. Толкаю её на диван. Ощущаю, как Танька извивается подо мной, закусывает палец. На секунду замирает, и откуда-то изнутри вырывается стон, больше похожий на рык.

— Тебе пора.

Подвожу Таньку к остановке, вызываю такси, перевожу немного денег на приятную безделушку.

— Глеб, не стоило. Я же с тобой не из-за твоего состояния или общественного положения. Ты мне как мужчина очень нравишься, — говорит она, опустив глаза. Сама невинность.

— Когда мы теперь встретимся?

— Не знаю, потом позвоню.

Подъезжает такси. Танька садится и машет мне рукой.

Возвращаюсь домой. На часах начало четвёртого. Иду в душ, смываю следы ночных преступлений.

Возвращаюсь в спальню. Анька всё ещё сопит, лёжа на правом боку. Ложусь к ней под бочок. Она по привычке поворачивается и утыкается носом мне в плечо.

Спи, моя девочка.

Только погружаюсь в сон, как телефон снова начинает вибрировать. Будильник? Ночь так быстро закончилась?

На часах шесть. На дисплее — «Марта».

— Что стряслось? — В такое время можно звонить, только если горят офис или склады. И она уже сделала всё, чтобы их потушить. — Вы время видели?

— Видела, — отвечает она усталым и раздражённым голосом. — Я привезла вам ландыши. Стою под дверью.

Блин, точно.

— Ага, иду.

Открываю дверь. На пороге — еле живая секретарша.

— А курьера или водителя не нашлось? Зачем сама приехала?

— Конечно, все сидят и ждут, чтобы я разыскивала их в два часа ночи. У людей своя жизнь есть, это только у меня её нет.

Ныть она может сколько угодно, а такую хорошую зарплату ей больше никто не заплатит.

— Сегодня можете взять отгул до обеда. И ещё день на отчёты. Только без косяков, договорились?

Она устало кивает.

Закрываю дверь, иду на кухню, наливаю в вазочку воды. Ставлю букет на прикроватную тумбочку Аньки — пусть с утра порадуется. А у меня ещё есть час на сон.

18

Аня

Открываю глаза. Солнце светит в окно. Глеба рядом нет. Кажется, я засыпала в зале, а сейчас оказалась в спальне. На тумбочке — ландыши.

Беру букетик. Как замечательно пахнет! Мои любимые цветы. Давно муж не делал мне таких сюрпризов. Те, что были к гостинице, не в счёт.

Захожу на балкон. Глеб бежит на дорожке.

— Спасибо за цветы, — говорю тихо, чтобы не напугать.

— А? — Он оборачивается. В ушах наушники.

— Спасибо за ландыши! — почти кричу.

— Может, я и поцелуй заслужил? Фильм мы вчера собирались посмотреть, а кто-то уснул.

Началось в деревне лето — снова я виновата?

— Работа, сама понимаешь. Не могу вот так, на полпути, всё бросить. Но если хочешь, можем сейчас посмотреть фильм — правда, на тройной скорости.

Глеб говорит со мной на ходу. Кажется, даже если у него не останется сил и он будет спать всего пару часов, он всё равно наскребёт по сусекам последние силушки на пробежку.

Иду на кухню. Надо приготовить завтрак, но тело будто сопротивляется. Открываю холодильник — всё на своих ме-

стах. Омлет из трёх яиц, зелёный салат и эспрессо без сахара. Смотрю на лоток с яйцами и не могу взять их в руки. От смеси запахов тошнит. Такое бывает, когда голова отключается, а разум подчиняется телу.

К сожалению для всех окружающих, но, наверное, к моему личному счастью, я прекрасно умею слушать своё тело. Ещё с детства. Я была очень болезненным ребёнком: аллергия, неврологические расстройства и куча всего. Когда вошли в моду мануальные терапевты, мама привела меня к одному из них. Молодой специалист научил меня прислушиваться к каждому сигналу, к любому изменению. Это сильно поправило моё здоровье. Я поняла, что сама себе не враг, а лучший друг.

И сейчас я понимаю: есть стена. Наливаю себе кефир. Никакого завтрака.

Надо проветрить голову.

Одеваюсь и выхожу на улицу.

— Анечка, а к вам гости приехали? — Соседка с первого этажа высовывается из окна.

Неприятная тётка без возраста, дворовая сплетница и скандалистка.

— Да нет. А что-то случилось?

— Так, Глеб ночью кого-то встречал. Девушку какую-то. Я же мало сплю — старческая бессонница. Только телевизор выключила, смотрела сериал про бабку-детектива. Потом кошка моя орать начала. Я ей яичко на ночь сварила. Вот

иду за ним, смотрю: машина к подъезду подъехала, барышня вышла. Красивая. А потом Глеб из подъезда.

Сердце стучит сильнее, в голове всё кружится.

— А потом?

— Так Мурочка желточек съела, и всё. Я спать пошла.

Киваю и ускоряю шаг.

Слёзы застилают глаза. Значит, совещание переросло… Во что оно переросло?

Бегу к своей машине. Она так и стоит в соседнем дворе. Открываю дверь. Первое, что бросается в глаза, — жемчужинки от стрингов.

Ага, прекрасно. Вселенная ещё раз треснула меня по башке. Нельзя же быть такой слепой и наивной.

Рыдаю в голос, будто жемчужная цепочка затянулась у меня на шее и не даёт вздохнуть.

А вдруг эта девушка, например, Марта, привезла ландыши? Вот Глеб к ней и выходил — тогда всё понятно. Нужно идти к соседке. Стыдно, но другого шанса всё узнать нет.

Вытираю слёзы, но глаза красные. Скажу, что у меня аллергия на цветение какой-нибудь сурепки или ольхи.

— Валентина Владимировна, — стучу в окно. — А кошечка ваша какой корм любит? Я слышала, сейчас хороший трудно найти.

— Да какой корм! Я раньше на развес покупала, а сейчас вот даю ей то, что сама ем. Боюсь, не на пользу это, но что делать?

— У меня через подружку есть возможность достать хорошие витаминки, корм, наполнитель.

— Анечка, ты ж моя золотая! Я бы купила, — теперь для бабули я почти подружка. — А я буду за мужем твоим присматривать.

— А есть повод волноваться?

Надеюсь, она сейчас не скажет, что мой муж каждую ночь куда-то бегает, пока я сплю.

— Да кто ж его знает. Девки — они такие цепкие.

— А может, она цветы привезла. Курьером работает, — рассуждаю вслух.

Сводит под левой лопаткой. Голова только начинает соображать, а тело уже вовсю подаёт сигналы.

— А с цветами тоже была. Когда утренняя программа шла, прогноз погоды обещал дождь. А я сразу к окну: какой дождь, если небо чистое? Тут вышла ещё одна девушка из машины. Сама за рулём, маленький букетик у неё, а целлофановая упаковка большая. Тоже к вам?

— Наверное. Может, кому-то тоже повезло проснуться с цветами.

— Ты не подумай, что я сплетница. Ты же хорошая, светлая. Я на вас с твоим смотрела, думала: какая семья! Завидовала: и богатые, и влюблённые, и всё у вас есть. А сейчас ты чуть потухла. Ты меня не слушай, я старая, уже из ума выжила. Может, ребёнка вам?

Ага, только ребёнка мне для полного счастья и не хватает.

— А часто к нам девушки приезжают? — спрашиваю как будто между делом.

— Раньше не видела. Вот к Анатолию приезжает какая-то, когда жена на смене. А твоего сегодня впервые увидела. Ну, ты про витаминки для Мурочки не забудь.

Господи, какие ещё витамины? Мой муж мне изменяет прямо под носом. Надеюсь, не в соседней комнате.

Снова подавляю эмоции. Теперь надо действовать с холодной головой. Истерики — потом. Возвращаюсь домой.

— Я думал, что хотя бы бутерброд или яичницу заслужил, — холодно говорит Глеб.

— А ландыши откуда? — изо всех сил стараюсь держать себя в руках.

— Марту попросил найти, чтобы тебе приятно сделать. Сюрприз не удался? — В его глазах что-то изменилось, но я пока не могу понять что.

— Ландыши прекрасные! Я просыпалась ночью, а тебя дома не было, — громко вдыхаю, чтобы невидимая жемчужная нитка на шее лопнула.

— Ах, вот в чём причина. — Глеб смягчается, подходит ближе, обнимает и целует меня в висок. — Брелок на сигнализации заорал. Я подумал, что шпана пытается тачку вскрыть. Вот и вышел. Около двух часов ночи было.

Ага, Глеб. Петля на тебя уже накинута, и скоро затянется так, что тебе не удастся увильнуть. Я принимаю твои правила. Пусть мне будет очень больно, но я выведу тебя на чи-

стую воду.

19

Таня

Еду домой после внезапной встречи с Глебом. Вот эти потрахушки на десять минут утомляют: дольше собираюсь, чем дело длится.

Тело немного ноет. Нужно сказать, что в следующий раз ему стоит быть понежнее. Снова на руках останутся синяки. Облизываю губы: кажется, на них ещё остался любовный флёр.

Нужно завтра заглянуть к Глебу в офис. Не хочу этих ночных похождений. Пусть глаза раскроет: он свою зачухонку видел? И как можно быть таким… Я прошерстила все мероприятия с участием его офиса. Нигде его лохудры нет, везде Глебушка один, как сиротка. Конечно, со стремной бабой в мир стыдно выйти. Но я-то знаю, как его согреть. А лишние сплетни в сплочённом коллективе никогда не помешают.

— Откуда такая красотка в такое время возвращается? — Таксист смотрит в зеркало заднего вида. — Не так часто клиенты такси оплачивают поездку своим девам.

— Рот закрой. Он не клиент, а самая большая моя любовь. Только не очень свободная. Но, как понимаешь, жена — не стенка: снесём, все кирпичики на мусорку вынесем.

— Зубки не сломай. А я думал, может, и я дам тебе возможность немного заработать.

— Вы ошиблись, дядя. Я не вашего полёта птица, — отворачиваюсь к окну. Ещё не хватало мне за копейки ноги раздвигать. Моя цель — Глеб, и на меньшее я не согласна.

Выхожу у подъезда.

— Танька, ты где шлялась? — Пьяный сосед не даёт пройти, сидит на ступеньках.

Когда же я наконец уеду из этого гадюшника? Сил уже нет дышать кошачьей мочой, поливать каланхоэ в подъезде по графику дежурств и покупать продукты по скидкам.

— Дядь Саш, иди спать. Скоро утро.

Аккуратно переступаю через его пластиковый стаканчик с дешёвым пойлом.

Нет, Таня, если ты так и будешь топтаться на месте и только удовлетворять похоть Глеба, то так и останешься здесь прозябать. Надо открыть его жене глаза на очевидное. А то он ей навешал лапши на уши, а я, как дура, остаюсь без счастливой жизни.

Захожу домой. Мать на ночном дежурстве. Младшая сестра тоже недавно вернулась с гулек. Спит. Завтра нужно промыть ей мозги, чтобы не брала мои туфли и духи. Привыкла на моём иждивении мужиков цеплять.

Ложусь. Кровать такая же жёсткая, как стол, на котором сегодня всё случилось. И скрипучая страсть. Ей столько лет, что на ней, небось, ещё мои бабка с дедом отца делали.

Закрываю глаза, а передо мной — Глеб.

В день нашего знакомства он был изрядно выпивши, на-

верное, с коброй своей поругался. Предложил выпить, потом погулять и, глядя мне в глаза, снял обручальное кольцо. А я, как дура, попросила надеть его обратно, чтобы не потерял. Я же тогда не знала, что подсяду на него.

Наш первый секс напомнил мне поле боя. Мне кажется, он через моё тело мстил своей жене, спорил с ней, что-то доказывал. Такие сильные толчки, крепкие объятия, сила, помноженная на страсть.

Я знала, что он вернётся ещё раз, а потом — ещё. И в клуб этот ходила, чтобы он меня там нашёл. Больше недели я шлялась туда одна, танцевала, высматривала его, тратила последние деньги на бокальчик игристого, чтобы не потерять зацепку. И он меня нашёл. Несколько раз снял стресс на мне — и втянулся. Кто-то ходит к психологу, а кто-то ищет порочную любовь.

Захожу в телефон. Аккаунт Глеба не светится: был в сети десять минут назад.

Перечитываю нашу переписку: «Никакого тональника и духов». Ага, вот и маленький нюансик для операции «Освободить Глеба от жены».

Надо быть тупой курицей, чтобы от тебя такой мужик гулял. Не умеешь удержать — оставайся одна.

Проваливаюсь в сон.

— Танька, ну когда это всё закончится? — Мать пришла со смены. Опять не в духе.

— Хватит орать, — выхожу из комнаты. — Что опять слу-

чилось?

— Кто пожрал, а посуду за собой не помыл? Бельё в тазу уже третий день квасится! — Мать садится на табуретку на кухне. Она всегда истерит, когда голодная и хочет спать.

Плетусь к плите, ставлю чайник на огонь, потом разбиваю на сковородку два яйца. Вчера ещё сосиски оставались, но, конечно, после младшей — прожорливого троглодита — ничего нет.

— Мам, думаю, скоро у нас всё наладится.

— Ты на работу решила выйти? Две зарплаты — и то дело.

Про Глеба пока говорить не буду, мама не поймёт моих дел. Нужно что-то придумать.

— Днём на хлебозавод схожу или в кафе. Я же не зря на повара училась.

«Училась» — это громко сказано, но диплом у меня есть, картошку чистить умею. Схожу сейчас, погуляю, потом отдам маме то, что Глеб прислал, — и всё, плюсик себе в карму поставлю.

— Давай, а то Жанночка новые кроссовки просила. Она мне ссылку на них скинула, а они стоят как половина моей зарплаты.

Ага, значит, я — Танька, а она — Жанночка. И мне — смены у печки, а ей — все блага цивилизации.

— Ага. Жанночке своей скажи: ещё раз она залезет в мою косметику — я ей так глаза раскрашу, что тени и тушь больше месяца не понадобятся.

— Твои? А ты хоть копейку на них заработала? Нет. Вот и нечего на сестру гнать, у вас всё общее.

— Трусы тоже будем вместе носить?

— Это как я решу, — мать доедает чуть подгоревшую яичницу. Чай остаётся недопитым. Она плюёт в мою сторону и идёт в комнату к сестре. — А что это тут перегаром воняет? Ну-ка, дыхни!

— Мам, я уже взрослая девочка. Всё, от чего потом так воняет, я лет пять не употребляю. Иди ангелочка обнюхай.

Мать психует, хлопает дверью.

Так, Таня, ещё месяц — и ты сама превратишься в мать. Пора готовить наступление. Или искать запасной аэродром.

Есть у меня ещё один вариант, как выбиться в люди. А эту богадельню нужно проклясть и потом обходить стороной всю жизнь.

Высыпаю содержимое рюкзака на стол. Куда же бумажечка подевалась? Беленький квадратик, который даст мне поддержку.

Вот он, в маленьком кармашке. Я по дурости завернула в этот талон жвачку.

Интернет говорит, что нужно положить этот комочек в морозилку — тогда цифры не пострадают. Жду двадцать минут, аккуратно отрываю резинку.

Дрожащими руками набираю номер. Перед тем как нажать на зелёную кнопку, ещё раз проверяю каждую цифру. Гудки…

— Здравствуйте, это Таня. Я согласна.

20

Аня

Чтобы Глеб ни говорил, я чувствую и знаю: он врёт.

— Ань, какие у тебя планы на сегодня? — Муж собирает себе огромный бутерброд.

— У меня три группы в центре, скоро языковой экзамен, нужно как следует подготовиться. Два говорения и одно аудирование, — немного преувеличиваю. Занятие у меня сегодня только одно. — А ты что хотел?

— Ничего. Тогда найду, чем заняться. Я на работу. А за тобой тянется супружеский долг — сегодня не отвертишься.

Глеб хлопает дверью, а я сажусь на диван и впадаю в оцепенение.

Значит, у него точно есть любовница. А ещё есть свекровь, которая что-то ищет в нашем доме, чего я пока не замечаю? Скачиваю видео из облака. Может, после просмотра станет хоть что-то понятнее.

— Кажется, я в логове дракона, — начинаю рассказ подруге. Эта фраза из какого-то фильма нашей подростковой молодости. Мы используем её, когда в жизни происходит огромная пятая точка.

— Ещё что-то нарыла? — меняет интонацию Лида.

— Ну, на бабе я его второй раз пока не поймала, но соседка принесла новость в клювике. Я, значит, по ночам сплю, а

муж всё «у станка», не жалея члена, работает. Себя не бережёт, — голос дрогнул, но слёзы я сдерживаю.

— Блин, Аня… — В голосе Лиды сочувствие и поддержка. Хорошо, что она далеко, иначе меня бы прорвало и я рыдала бы как белуга.

— Мне нужны подводные камни развода.

— Проверь, на кого оформлена недвижимость и лицензия твоего центра. Если лицензия на него, то хреново. Он её аннулирует или сделает так, что её отзовут. Тогда люди, которые заплатили тебе деньги, не смогут получить сертификаты, сдать экзамены и всё остальное, что вы обещаете.

Блин, это совсем не то, что мне нужно. У меня собраны три группы разных возрастов для сдачи экзамена, и я не могу подвести людей. Это будет выглядеть так, будто я кинула их на деньги.

Лезу в компьютер, просматриваю все документы, которые есть. Нежилое помещение куплено на фирму Глеба. Прикольно: даже при разводе я с него и копейки не получу. Да уж, даже родному мужу, с которым мы долго жили душа в душу, не нужно слепо доверять.

Лицензия должна быть оформлена на меня: у меня и диплом, и куча сертификатов. Ничего найти не могу, но всё должно быть в студии — вдруг налоговая или кто-то ещё запросит документы.

Звоню нашему администратору.

— Алёна, здравствуйте. Мне нужны все наши официаль-

ные документы. Они где-то в сетевой папке есть?

— Нет. Глеб Михайлович сказал, что у нас в сейфе только копии, а оригиналы где-то у вас.

— Пришлите мне скан. Я села заполнять форму для допуска к экзаменам, а дома никаких документов нет, — вру и не краснею.

— Я могу прислать образец, — отвечает недовольным голосом, будто я отвлекаю её от важных дел.

Образец у нас есть для будущих студентов. Он корректный, но в нём нет нужной мне информации.

— Нет, Алёна, я прошу вас выслать мне копии учредительных документов, — стараюсь показать, что не терплю возражений.

— Я должна уточнить у Глеба Михайловича.

Вот так поворот. Он и здесь все входы и выходы перекрыл. Это ещё один повод задуматься.

Заеду сегодня к нему на работу. Буду изображать из себя полную дуру, пока не узнаю, что и как.

Хорошо хоть, что машина оформлена на меня. И то потому, что это подарок папы на свадьбу. Мне.

Иду на кухню. Так хочется хорошего кофе. «Аквариум» с капсулами пуст — придётся пить либо растворимый, либо чай.

Кладу пакетик чёрного чая с бергамотом, заливаю кипятком. Рядом с чашкой вибрирует телефон.

— А тебе документы зачем? Что ты там ещё придумала?

— Глеб говорит строго, чуть повышая голос.

— Ага, Алёна уже донесла. Глеб, а потом ты говоришь, что у меня паранойя и мне везде мерещится предательство. У нас скоро международные экзамены. Дальше объяснять надо?

— Понял. Вышлю позже всё.

И кладёт трубку. Ага, он считает, что своим поведением снова поставил меня на место.

Сижу на кухне в тишине. Даже не шевелюсь — просто нет эмоциональных сил. Такое чувство, будто меня слепили из сырого песка, а теперь, по мере высыхания, я понемногу рассыпаюсь.

Звонок в дверь. Я никого не жду. Может, снова счётчики проверяют? Сделаю вид, что меня нет.

Звонят снова. Интересно, когда люди такие настырные и долбят в звонок, чего они хотят? Думают, я мысленно услышу звонок на работе и за секунду прилечу? Или им кажется, что я в коме и они своим «целебным» звоном выведут меня из этого состояния?

Звонки прекращаются, но шагов на лестнице не слышно. Кто-то вставляет ключ в замочную скважину, поворачивает, но дверь не открывается. Конечно, я же закрылась на внутренний замок — открыть его можно только изнутри. Видимо, сегодня день визита свекрови. Что этой старой выдре надо? Но у меня нет сил выяснять с ней отношения. Меня сейчас волнуют другие вопросы.

Тишина. Прямо представляю, как она пытается что-нибудь разглядеть в глазок или, приложив ухо к двери, уловить каждый шорох.

Не открою. Подхожу к окну и становлюсь так, чтобы меня не было видно из-за шторы. Конечно, это Шапокляк приезжала в гости. Я не верю во всякие сглазы и привороты, но, зная эту неугомонную женщину, не удивлюсь, если где-то здесь спрятана кукла вуду, могильный песок или ещё что-нибудь из первой попавшейся мистической передачи.

Надо ехать к Глебу за документами. Распечатываю предэкзаменационные бланки — всё для отвода глаз. Если за время нашей семейной жизни я нажила только своё нижнее бельё, то и ладно. Порыдаю месяцок, прокляну весь мужской род, схожу на терапию. Как-то же люди переживают предательство.

21

Аня

— А ко мне сейчас свекровь приезжала, — звоню Лиде: надо с кем-то поделиться новостями.

— Может, хотела наставить тебя на путь истинный?

— А какой он, истинный? Для неё я бельмо на глазу. И правильный выход тут один: собрать вещи и смотаться куда-нибудь в туман, чтобы и следов не осталось.

— Ко мне моя тоже перед разводом примчалась. Всю семейную жизнь пыталась домострой чинить, указывала, где моё место. А потом пришла с просьбой: как же её кукусик теперь будет жить один, сам себе носки стирать, суп варить и всё остальное? А у него лапки, он ничего не умеет. А теперь мой бывший пьёт как собака — вот мамкина радость.

— Интересно, а моя сказала бы что-нибудь новое? Или опять завела бы рассуждения о том, что это женская доля, а мужик должен ходить налево, чтобы не терять азарт? Природа у них такая.

— Да, а ещё — что всем изменяют и все прощают, — усмехается Лида.

— Прощают? — У меня даже сердце замирает. Закрываю глаза, и ведь правда: почти все мои знакомые изменяли своим жёнам. Когда я была в первом классе, родители жили раздельно: папа «тестировал» новую женщину, а потом вернул-

ся в семью. У тётки тоже муж ходок — все знают, и она тоже. А на каждом семейном торжестве она рассказывает, какой у неё золотой муж. Противно. — Да никто не прощает, просто сцепляет зубы до боли, чтобы не кричать, и живёт дальше. Я смотрю на свекровь — в глазах нет ни счастья, ни жизни. А свёкор будто молодую кровь пьёт: всегда свеж и в прекрасном настроении.

— Девственниц хавает, — смеётся Лида. Её голос эхом разносится по моей комнате.

— Точно. Я бы поняла, если бы у нас были дети, а у нас… Наш развод — дело времени.

— Ань, смотри по сторонам. Всё, что подписываешь, трижды проверяй и фотографируй. Звучит как маразм и старческая деменция, но пусть у тебя тоже будут сканы всех документов. Велика вероятность остаться с голым задом.

Отличный совет. Чтобы застать Глеба врасплох, поеду к нему на работу, а потом — в свой центр. Когда мы поженились, я была уверена, что мой муж так себя не поведёт. Он обеспеченный, взрослый мужчина — как мама говорит, должен быть с мозгами. А покупка всего только на себя — это не про любовь и не про боязнь потерять деньги, а про полное подчинение.

Достаю нежно-голубую блузку и юбку-карандаш. Да уж, только пучка на голове не хватает — училка до мозга костей. А мне сейчас этого не надо. Что там свекровь сказала? Я — плюгавый птенчик или цыплёнок? Это мы ещё посмотрим!

Смотрю на вещи в шкафу. В основном там офисная, строгая одежда. Может, я и правда серая мышь? Последний год я не бывала с Глебом на мероприятиях, да и раньше не особо ходила. Но тогда у меня были учёба, защиты, научная жизнь. Мы с мужем всё это тоже заранее обсуждали. А теперь у меня много свободного времени, но он обходится без меня.

Я сама всё сломала? Сглатываю обиду, в глазах стоят слёзы. А если с Глебом нормально поговорить, по душам, я готова со своей стороны всё изменить. Наверное, готова простить. Я же люблю его.

«Никто не прощает, просто сцепляет зубы до боли, чтобы не кричать, и живёт дальше», — звенит у меня в голове. Больно.

Надеваю платье-комбинацию винного оттенка, немного ослабляю пучок, чтобы он выглядел слегка небрежным. Чёрный жакет — почти как мужской пиджак. Смотрю на туфли на каблуках, и пятка начинает ныть. Никаких пыток над собой. И так слишком много боли. Надеваю белые кеды. Я, конечно, не мужчина, но мне кажется, выгляжу отлично. Немного макияжа — да, Глеб давно не видел меня в таком образе.

Когда-то преподаватель психологии и педагогики сказала нам умную фразу, но тогда я не смогла её понять и принять: «С женщиной происходит то, что она заслужила, или то, что допустила». Видимо, я выбила страйк — попала сразу в оба варианта.

Быстро добираюсь до офиса Глеба. На углу беру два кофе, себе — с ореховым сиропом. Покупаю два багета с ветчиной и сыром — создаю иллюзию, что всё хорошо.

Не знаю, готова ли к примирению, к прощению, но… сердце верит в чудеса.

В офисе стоит особый гул, слышен стук по клавишам. Мне кажется, сотрудники даже в туалет ходят только в обеденный перерыв. Глеб очень требовательный — и к себе, и к подчинённым. Вот только к себе как к мужу — не очень.

Поднимаюсь на второй этаж. Дверь в приёмную настежь. Марта — бедная помощница, секретарь, курьер и обладательница кучи внеплановых должностей — куда-то спешит с огромной папкой.

— Анна, здравствуйте. Подождите, пожалуйста, минутку, — тараторит она на ходу.

А мне от неё ничего не нужно. И если Глеба нет на рабочем месте — тоже прекрасно. Захожу в приёмную: никого, тишина. Это странно, ведь муж обычно общается с подчинёнными только криком. Прикладываю ухо к двери: какое-то шевеление, но голосов не слышно.

Стучусь и, не дожидаясь ответа, открываю дверь.

— Я сказал, чтобы меня не беспокоили? — кричит Глеб. В голосе раздражение и ненависть.

До меня долетает фраза, но я не могу понять, что она означает. Так и застываю с дверной ручкой в руке.

Глеб сидит на краю стола, а «горничная» перед ним на ко-

ленях. И присела она не для того, чтобы завязать ему шнурки.

Заслужила или допустила — да какая теперь, к чёрту, разница?

Теперь я не сбегу. Доведу дело до конца!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.